

ЖИТИЯ НОВОМУЧЕНИКОВ XX ВЕКА

СВЯТЫЕ МУЧЕНИЦЫ ПУЗИНСКИЕ
Євдокия ❧ Дария
Дария ❧ Мария

Издание, четвертое исправленное и дополненное

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2011

**По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II**

Святые мученицы пузинские Евдокия, Дария, Дария, Мария. – 4-е изд., доп. / Под ред. игумена Митрофана (Баданина); Вступ. ст. игумен Дамаскин (Орловский). – Мурманск, 2011. – 80 с.: ил. – (Жития святых).

В основу Жития святых мучениц блаженной старицы Евдокии и ее келейниц Дарии, Дарии и Марии, положен текст воспоминаний, записанный спустя несколько лет после мученической кончины святых, наступившей 5/18 августа 1919 года.

Текст был стенографирован послушницей епископа Варнавы (Беляева) монахиней Серафимой (Долгановой), со слов келейницы старицы Евдокии – Поли (Пелагии) и иных свидетелей жизни и подвига блаженной. (Изложение обработанного текста см.: Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1992. Кн. 1. С. 93-122).

© Игумен Дамаскин (Орловский), 1992
© Издательство «Ладан», 2011
© И. Куксенко, иллюстрации, 2002

К читателю

Юродство Христа ради – один из труднейших и возвышеннейших христианских подвигов. В нем и исповедничество при внешнем отсутствии гонений, и совершеннейшее нестяжание, и постничество, и отказ от своего разума ради того, чтобы иметь ум Христов. Юродивые в полном смысле слова вменили ни во что «вся красная мира сего». Внешний образ жизни юродивых – это зачастую полное пренебрежение к внешним правилам мира. Они живут в обстановке внешнего беспорядка даже тогда, когда имеют жилище. Они пренебрежительны к виду одежды и чистоте плоти, бывают не чесаны и не умыты.

Каждый агиограф, описывая по возможности внутренний подвиг святого, описывает и внешний. Естественно при этом и здравому смыслу соответствует, что читатель жития не призывается к повторению внешнего образа жизни святого. Читая житие пустытника и столпника, всякий понимает, что он вовсе не призывается выйти в пустыню или устроить себе жилище на столпе посреди города или села. Углубляясь в житие святого, мы хотя бы несколько проникаемся осознанием высоты его подвига и, отдавая должное чистоте его сердца, созерцаем лишь свое окаянство, греховность, долулежание, свою неуправность в деле спасения и бездну совершенных нами грехов. Размышляя, как выбраться из этого окаянного положения и направить свой путь в сторону чистоты и святости, мы начинаем искать некий подручный материал, внешние средства, какие бы помогли направить нам себя к этому пути. Эти средства могут быть и в усердной молитве, и в посте, и в делах милосердия или в особо прилежном исправлении тех непосредственно греховных привычек, которые нам в себе хорошо известны.

Читатель этого жития мученицы и Христа ради юродивой Евдокии вовсе не призывается не мыться, разводить вшей и мышей, копить корки хлеба или третировать «ради их же спасения» своих близких. Всякий христианин призывается к мирному устройению души и к порядку внешнему, без которого может привести к расстройству и его внутренний мир. И лишь тому, кто достиг единения с Богом и стяжал «дух мирен», внешний беспорядок не повредит и не приведет к расстройству, но преподанием поношения сверхмерного и прохождением

подвига сверхъестественного приведет его к высшему. Христа ради юродивой Евдокии законы мира сего не лежали. Имеющему ум Христов не обязательно жить по человеческому смыслению. Читая житие мученицы Евдокии, мы узнаем о внешней стороне ее жизни, что у нее было холодно, небрано, и что лежала она во вшах, которые, впрочем, никого, кроме нее, не беспокоили. Но известно и то, что ее посещало множество людей, крайне нуждавшихся в ее молитве и совете. И что же они приходили смотреть? Грязь и вшей? Конечно же, нет. Всякий, приходивший к ней, видел в ней святого человека, облагодатствованного и просвященного. И молившиеся вместе с нею посторонние люди не спешили уйти от нее, как спешили бы уйти, лишь только войдя в грязную ночлежку со специфическим запахом немытого человеческого тела. Вероятно, его и не было вовсе. Душа всякого пришедшего обоняла святость, невидимый эфир иного, горнего мира, который был слаще меда, и всякий желал как можно дольше оставаться в этой обстановке. И если и находились люди, которым Евдокия была ненавистна, то ненавидели они ее за ту же святость, а не за странный образ жизни.

Что касается ее послушниц, то это были обычные деревенские девушки, с присущими многим людям страстями и даже пороками, и много нужно было духовного искусства, чтобы увлечь их в Царство Небесное, приспособляясь к их понятиям и привычкам. Ходить целый день на колодец, приносить воду и вновь выливать ее и снова идти, и все это за послушание – трудно. Для облегчения Дуня придумывала разные поводы, которые несколько разнообразили и скрашивали его. Или как согласиться на многодневный пост – сверх общецерковного? И тут Дуня находила множество поводов, мешавших разрешению от поста, или, как она говорила, наступлению «отрадного дня». Во всяком случае, чтобы такой день наступил, надо было много молиться, то есть трудиться на поприще самого трудного делания. Впрочем, и девушки чувствовали, что Дуня не обычный человек, что она выдающаяся подвижница и снискала в очах Божиих великую милость, и мир горний видит духовными очами так же ясно, как мы с вами, друзи, через прозрачное стекло мир земной.

Игумен Дамаскин (Орловский).

**ЖИТИЕ МУЧЕНИЦ
БЛАЖЕННОЙ ЕВДОКИИ
И ЕЕ ПОСЛУШНИЦ
ДАРИИ, ДАРИИ И МАРИИ,
В СЕЛЕ ПУЗО ПОСТРАДАВШИХ**

Родилась Евдокия Шикова* 11/24 февраля 1856 года в селе Пузо** от родителей-крестьян Александра и Александры. Родители ее были очень благочестивы, но мать умерла рано, когда маленькой

Дуне было всего два года, и отец женился на другой. Мачеха же оказалась совсем другого духа. Она старалась уморить отца мышьяком. Сама Дуня рассказывала, как она, будучи еще семи лет от роду, поняла, что мачеха хочет отравить отца, и предупредила его:

---

* Согласно последним исследованиям фамилия Евдокии могла быть Шейкова.

** Село Пузо находится в 16 км от Дивеева. В советское время переименовано в более благозвучное Суворово (по названию колхоза им. Суворова). Слово же «пуз(о)» – древнеславянское и означает меру веса примерно равную двум пудам, а так же вид посуды изготовлявшейся в селе.

— Не пей эту воду, смотри, она мутная.

Но мачеха все же добилась своего позже, когда сманила отца уехать в Сибирь.

В том же селе жили тетя и дядя Дунины, у них она училась благочестию и у них жила свои отроческие годы. Дядя был церковным старостой. Ему с женой недостаточно было молитвы в храме, и они много молились дома. Дуня же очень ревновала по Богу и непрестанно пела.

В восьмилетнем возрасте она и ее подруга Маша пошли в Саров. Там старец стукнул их головками, и с тех пор прожили они неразлучно рядом друг

с другом три года. Маша жнет, а Дуня на снопах сидит и поет. В церковь всегда вместе ходили, ручка с ручкой сцепятся и идут. Дуня с детства своего всегда теплую шаль и зипун надевала и лица своего никогда не показывала. От юности они всё к святыням монастырским бегали в Саров, Дивеево, Понетаевку*. Позже Дуня рассказывала: пришли однажды они в Дивеево к блаженной Пелагее Ивановне, а та кормила в ограде голубей. Дуня и подошла к ограде.

---

* Серафимо-Понетаевский Скорбецвенский монастырь был учрежден в 1864 году. Большие паломничества начались в него с 1885 года с открытием чудотворной Серафимо-Понетаевской иконы Знамения Божией Матери, прославившейся чудесным сиянием и движением глаз Богородицы.

— Отойди, рванина, не пугай голубей, – говорят ей хозяйки (келейницы).

А Дуня плачет и не отходит. Был у нее с собой кусочек хлеба, так она его тоже бросила голубям, а Пелагея Ивановна и сказала:

— Что вы от меня ее гоните, ведите ее и накормите.

Одни говорили о Дуне с Марией, что у них любовь от врага, а другие – от Бога. Если Мария мучается, Дунюшка от нее не отцепляется. Всегда они ходили сцепкой. Марию били за это родители, и Дуню ее родные били. И отгоняли их друг от дружки, а они возьмутся за руки, ходят и поют. И в церковь все равно вместе идут. Много скорбей терпели за это.

Как Маша померла, Дуня стала ежедневно в церковь ходить. Еще при жизни Маши в них начали кидать камнями, а без нее и того больше. Вскоре Дуня только к заказным обедням по будням ходить стала, потому как

в праздник ей вовсе проходу не давали. Было Евдокии в это время уж около двадцати лет. И была она слабая да больная. И до того слабая, что стала ходить с батожком. К этому времени тетя ее уже померла, но печку Дуня еще сама могла топить. Сядет, бывало, на стульчик, сил-то нет, но все же печку топит. Вскоре она вовсе ослабела, и стали к ней тогда ходить две девушки.

И вот когда Евдокии было за двадцать лет, она особо сильно заболела. Дело было зимой, на святках.

Металась она и кричала:

— Умру, у меня жар.

Девушки ее вынесли во двор и вылили на нее два ведра холодной воды. Потом она им и говорит:

— Несите меня в келью.

Положили ее на лавке, и с тех пор она уже больше не вставала.

Постель ее была такая: рунье (тряпье) да два голика (веника), которые прислал отец Иоанн Ардатовский. На голиках постланы две суконки, которые на ногах носят, и больше ничего. На ней был надет зипун, но не в рукава, а лишь накинут на плечи. Другим зипуном накрыта голова – при людях она закрывала им лицо. Когда тулуп истлевал, она клала его на постель и никому не отдавала. Ничем другим не позволяла себя одевать. И так зиму и лето. Как истлевала одежда, она ее клала на постель. Так всего три одежды были у нее до самой смерти. Ситцевого она ничего не носила от юности. Рубашка у нее была тканая, когда истлеет, она ее на постель клала, так же и сарафан. Поясок носила всю жизнь одинаковый: шерстяной голубого цвета с белой серединкой. И если не дать ей такой пояс, она совсем не будет подпоясываться. Шаль тоже у нее была

шерстяная. На ногах носила длинные шерстяные чулки. Все на ней было шерстяное, кроме ручного платка, только тот был ситцевый. Даже четки и те всегда были у нее шерстяные. Потом, уже в последние годы, она льняные нитки стала держать в руках во время молитвенного правила.

Хожалки унесут, бывало, истлевшее с постели, закинут куда-нибудь, она начинает плакать. Сутки и двое плачет:

— Давай мне рубаху.

И так пока не вернут.

Волосы с детства не давала никому резать и ногтей на ногах и на руках никогда не обрезала. Нечаянно заденут ноготь у нее неловко, так она скажется больной, плачет, а срезать не дает. Когда же ноготь спадет, она его подберет и тоже положит себе на постель. С крестом нательным та же история. Ушко сломится, крест потеряется, она начнет плакать. Молиться без креста не хочет, да и нового не берет:

— Найдите мне тот крест.

Найдут его, привяжут, а на другое утро она его опять потеряет. И пока не найдут, молитвенного правила не начинает.

Одной из первых постоянных келейниц у Евдокии была пузинская Настя. Эту Настю Дуня взяла к себе за кротость. Была у нее большая любовь и ревность к Евдокии. И она дала обещание никогда Дуню не оскорблять и не раздражаться, хотя трудности жизни и ее собственные болезни подавали тому множество поводов. Настя и сама всегда была болезненной, а прожив несколько лет у Дуни, стала еще сильнее болеть. Насте Дуня говорила:

— Отвыкай есть каравай, привыкай к кусочкам.

Прожила она у Дуни целых пятнадцать лет, до самой своей смерти.

Когда еще Настя жива была, к Евдокии начала ходить Дарья и ходила к ней три года. После же Настинной смерти отец Анатолий* благословил Дарью и вовсе жить у Дуни. Но Дашины родители ее непустили, они были людьми неверующими. Дарья горько плакала и все просилась к Дуне. Тогда они ее силком просватали. Даша все же вырвалась и прибежала к Дуне, так родственники за волосы вытащили ее из Дуниной кельи и сильно избили. В этот раз ее сумели увести силой, да только она вскоре опять прибежала. Родители во второй раз ее просватали и волоком утащили домой. Но все равно так и не смогли удержать. Двадцать лет после этого она вообще не выходила из Дуниной кельи: ни в церковь, ни к родным. Никогда не отходила от Дуни и молилась всегда одновременно с ней и так же, как она. Причащались же они с Евдокией на дому.

Телесных искушений у нее не было, вот только сильно ее мучила сонливость. Никак она не могла сон побороть и все плакала да посылала к отцу Анатолию:

— Погибаю, – говорит, – батюшка, все сплю.

Отец Анатолий отвечал:

— Ничего, спи, это подвиг такой – иначе не сможешь болящей служить.

Дарья постница была большая и подвижница крепкая, а вот спать даже стоя могла. От Дуни она все терпела безропотно и была при ней неотступно. Та ее ругает, а Даша довольная. Когда родная сестра приходила проведать Дарью, то Дуня им не давала тихонько разговаривать, а заставляла говорить при ней все громко и открыто. Даже в женской немощи Дашу не отсылала от себя. Мылась Дарья всегда

---

* Иеромонах Анатолий, в схиме Василий, старец высокой духовной жизни из Саровского монастыря. Скончался в 1919 году.

после этого на дворе, и зимой, и летом. И после мытья Ду-
ня не давала ей греться у печи. Но зато дух ее непрестанно
горел ко Господу.

По благословиению иеромонаха Анатолия Дарья оста-
лась жить у Евдокии. И стало их в доме трое – был еще
жив дядя Евдокии. Тогда начали заходить к ним другие
благочестивые девушки и петь. Так у них образовалось
правило. Пели они стихиры, кондаки и акафисты. Ни-
когда и ничем Евдокия так не могла утешиться, как лишь
продолжительным пением и чтением. Сама же она читала
хорошо, но писать не умела. Читала больше жития святых.
Книги эти брали в церкви, но были у нее и свои. У Дарьи
был хороший голос. Так же, как, впрочем, и у Евдокии, и
у дяди. Но Даша была неученая. Псалтирь притом читала
на память, а книгу держала так, для вида. Так же на память
пела и стихиры.

И вот стала Евдокия плакать, что ей нужно хожалку
ученую. Тогда отец Анатолий благословил к ней
Аннушку. Анна Хозинская очень любила петь и
читать, да и Устав церковный хорошо знала. Было ей в то
время двадцать три года. Пришла она к Дуне из веселой
жизни.

Заставит ее Дуня пол мыть, а она скажет:

— Вели мне поплясать.

Та и дозволит, все от нее терпела. Аня читала романы
украдкой, а Даша увидела и сказала Евдокии.

Аннушка стала плакать:

— Что же мне, Дуня, делать, мне скучно, я убегу...

И вот как-то решила уж бежать, но был вечер, и она
задержалась до утра. А ночью увидела сон: явился ей пре-
подобный Серафим, кормящий медведя. Она подошла к

нему и поклонилась в ноги. Он благословил ее, дал сухарик и говорит:

— Что ж это ты, бездельница! Вот я тебе дам дело – иди нянчи моих детей.

Взял ее за руку и повел в келью. А там стоят две люльки и лежат в них две маленькие девочки.

— Нянчи их, – сказал Преподобный, а сам ушел.

Она стала их нянчить, а они давай плакать. Аннушка захотела бежать, подошла к двери, а дверь как стена: нельзя выйти. Тут Анна и проснулась. Рассказала свой сон Евдокии, та и говорит:

— Эти девочки – я и Даша.

И что крест ее нянчиться с ними. И еще велела молиться Царице Небесной. Так Анна и осталась. Много было ей искушений, но и вразумления тоже были всегда.

Однажды Анна пошла по воду. Была зима, мороз, а ведра худые. Вся вода из них выбегает. Она стала плакать и браниться скверными словами:

— Подавиться тебе, жадная, не починешь мне ведра.

И вот в эту же ночь ей было видение. Увидела она прекрасный сад. Листья такие большие, каких нигде раньше не встречала. Цветы там белые, синие и красные, каких тоже нигде не видала. Еще в этом саду была чудная церковь с золотыми главами. Над всем светило яркое солнце, трава по пояс и благоухание неземное. Она очень захотела войти в этот сад, но глядит – в траве змеи, а ноги были у нее босые. А ей так хотелось войти. Думала она, как бы ей ноги обуть, да с тем и проснулась. Вспомнила свою давешнюю брань да и поняла, что это за змеи были.

Как-то Анна вновь искусилась и утатила, как она думала, рыбу. Дома же оказалось, что это чайник, завернутый в бумагу. Вернулась, а Евдокия ей и говорит:

— Анна, дай мне рыбки-то.

Та бухнулась ей в ноги:

— Дуня, прости!

А она отвечает:

— Больше не воруй.

Но однажды Анна потихоньку взяла да все деньги унесла.

А Евдокия уже посылает:

— Воротите Анну.

Та снова просит прощения. Правда, случалось, опять в грех впадала, сильно враг ее воровством искушал. Прожила она так у Дуни семь лет, и тут ее родные сманили.

И она ночью выкрала у Евдокии все что можно и убежала, а про себя говорила:

— Тебе за это будет спасение.

На двух возах увезла. Мать ее очень обрадовалась:

— Вот, доченька, будем с тобою сытно жить.

Но Аннушка давай тосковать тяжко. Прожила год и стала просить отца с матерью отпустить ее к Евдокии. А они:

— Ни за что тебя не отпустим.

Так она ночью убежала. Подходит к Дуниной келье, а дверь отворена: ждала ее Евдокия. Вошла Анна в келью, упала перед Дуниной постелью и стала плакать. На нее глядя, плакали Дуня и Даша. Дуня простила ее да и говорит:

— Это тебя враг научил.

А Анна ей в ответ:

— Это ты мне его «посадила»!

Да с этих слов тут же в келье и упала. Дуня же заплакала только. Трое суток Анна металась и кричала:

— Предайте смерти!

На четвертые Дуня дала ей сухарей и велела съесть, и Аннушка исцелилась. Вновь стала исправно петь и читать. Так подвизалась она у Евдокии целых восемнадцать лет*.

Правило Евдокии было таково. Молиться начинали в восемь часов вечера, и продолжалась служба до двенадцати часов ночи. Это было общее пение, и в это время ничего не читалось. Неопустительно ежедневно пели стихиры образу Владимирской Божией Матери. Кроме стихир тропари и кондаки святым и Царице Небесной. По вторникам же справляли стихиры с акафистом Иверской Божией Матери. В этот день к Евдокии обычно приходило петь особенно много народу.

Утреннее правило начиналось уже с пяти часов утра, а иной раз по слабости с шести. Евдокия все это время моли-

---

* Анна Хозинская так же как и оставившая эти воспоминания Поля, не была расстреляна и осталась жить в селе, свидетельствуя о подвигах Евдокии и неустанно молитвенно помяная Дуню и ее келейниц. Вела жизнь строгую, постническую, тайно заковала себя в вериги, стараясь исполнять все Дунины правила. К старости ослепла, болела и оттого страдала сильной полнотой вплоть до своей кончины в конце сороковых годов.

лась в тишине, и никого к ней не пускали. Хожалки тоже внутренно, про себя молились. В молитвы эти входили Псалтирь, Евангелие, каноны и акафисты. При этом клали земные поклоны. Утренние молитвы продолжались до двенадцати часов дня. Правило это Евдокия разделяла, и было минут двадцать отдыха. Если во время отдыха приходил кто с великой скорбью, то она разрешала впустить. Во время же молитвы никого не впускала.

После правила Евдокию обращали лицом к иконам, подкладывали под нее рунье, сажали и зажигали все лампы. Всех лампад было двенадцать. Тут она опять тихо молилась где-то с полчаса, после чего можно было петь. Пели минут пятнадцать: «Верую», «Достойно есть», «Отче наш», «Заступницу», «Яко неборимую стену», Богородице «Умилению», «Крест всей вселенной». При этом пении выносили из чулана просфоры. Перед тем как ее посадить, велит вымыть ей руки. Как дадут ей просфору, то непременно заплачет и скажет:

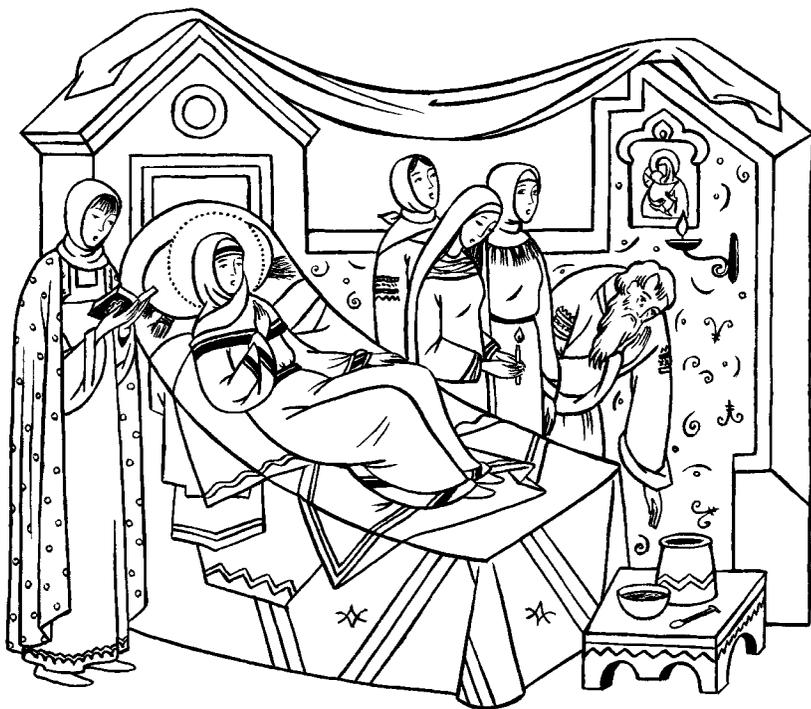
— Перекрести руки.

Девушкам давали по целой, а ее просфоры разрезали пополам. Одну половину опять уносили в чулан, а оставшуюся еще раз разрезали пополам. И одну четвертинку

Евдокия давала той, которая при этом ей служила. Всего давали ей от трех просфор: из монастырей Сарова, Понетаевки и Дивеева, так что у нее получалось три части. Потом эти части подавали ей в руки, а в блюдечко наливали крещенской воды. Она клала просфоры в блюдечко и при этом говорила:

— Христос Воскресе! — и тихо молилась.

Потом, как она помолится, пели «Спаси Господи», «От юности», святителю Николаю и Царице Небесной. Но пели недолго. Потом она ела просфору и запивала крещенской водой и в блюдечке немного оставляла той, которая за ней ходила. Прочие же девушки становились у порога

и после нее ели свои просфоры. Лампады гасили, Евдокию поворачивали и укладывали. Когда ее поворачивали, она все стены и углы ограждала крестным знаменем со словами:

— Огради, Господи, Силою Честнаго и Животворящего Креста.

Во время правила она вместе с четками держала всегда моток льняных ниток. Пройдя четки, делала на нитках петлю, потом опять молилась по четкам, потом еще делала петлю, и так до четырех петель. Петли эти связывала узлом вроде креста и затыкала за пояс. Это означало, что она молитву кончила и ее можно сажать*.

Если в то время как она молилась и когда разрезали просфору, кто придет и стукнет чужой, дверь не открывали. Говорили, чтобы не сходил он с крыльца, стоял лицом к церкви и молился умом.

---

* Думается, что едва нашлись бы единицы среди современных людей, готовые проводить жизнь, как Дунины послушницы, тем более нести этот подвиг по двадцать лет, как например Дарья. Евдокия же не только сама спаслась, но вымолила венцы и для своих послушниц.

Пожалуй, ни в одном монастыре в начале XX века нельзя было бы найти подобного каждодневного целонощного бдения. Подобные подвиги последний раз встречаются разве что во времена преподобного Иоанна Лествичника. Евдокия же поднимала своих девушек каждую ночь на молитву, «когда сгорали две копеечные свечи, под конец жизни она стала будить, как только сгорала одна свеча».

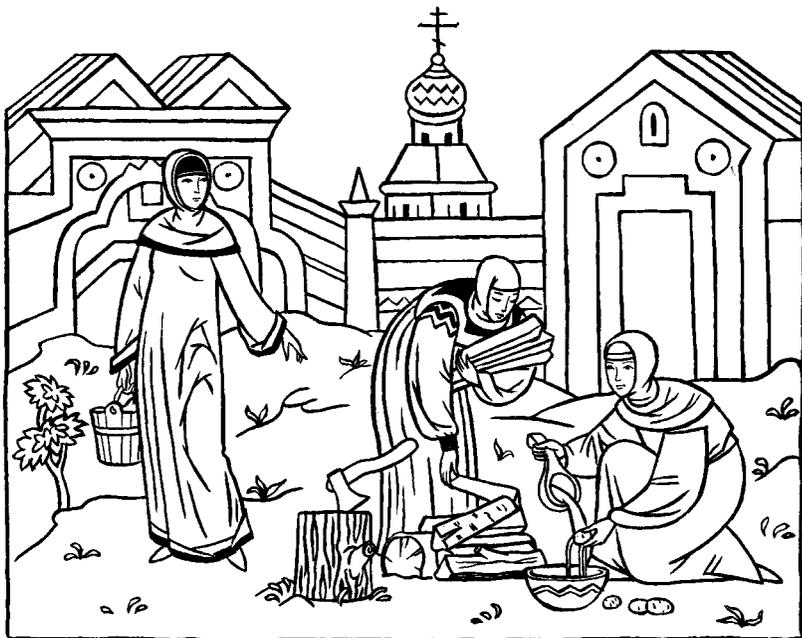
Очевидно, что такая суровая подвижническая жизнь болящей старицы Евдокии и ее верных хожалок более соответствует идеалам святых отцов древности. Житие этих дивных новомучениц чудесным образом возвращает нас ко временам подвигов преподобных Антония Великого, Павла Препростого и многих иных великих столпов христианской веры. И тем драгоценней для нас это свидетельство уцелевшей келейницы Пелагеи (Поли) о таком удивительном островке истинной православной святости в океане злобы и безбожия, захлестнувших Россию к XX веку.

Утром, когда вставала, умывалась. Вода была одна и та же по неделе и больше. Той келейнице, которая при этом Дуне служила, она велела умываться первой. Затем полагалось помолиться и оградить все вокруг знаменем креста, после чего умывалась и Евдокия.

После окончания правила девушки уходили, кто чай пить, кто по делам. Особое было дело, если кому выпадало воду носить. Для начала нужно было положить три поклона. Воду же надо было качать колесом и непременно натошак, что было довольно тяжело.

Евдокия же провожала словами:

— Тверди «Богородицу» и по дороге ни с кем не говори.

Раньше ходили таясь, по ночам, а в последний год стали ходить и днем*. Когда выкачаешь воду, нужно было оградить все крестным знаменем и ведро сполоснуть. Если же кто застанет, никого не стыдиться и молча идти с водой обратно. Если случится покойника несут или о покойнике зазвонят, или с топором, или с косой кто встретится, или падаль какая-нибудь – воду менять надо. Хоть до Дуниного крыльца донесла и лишь в двери не успела войти, все равно воду надо было вылить на землю и идти снова. И что бы по дороге ни случилось, Евдокия велела ничего не скрывать и все рассказать без утайки.

Принеся воды, надо было положить двенадцать поклонов Царице Небесной и спросить у Дуни благословения ставить самовар. Самовар тоже оградить крестным знаменем и сполоснуть, а то и чай пить не станет. Угли холодные положить в самовар и от свечи зажечь. Как пар пойдет, можно самовар поднимать. Тому, кто подымает, положено молчать. Поставят самовар на стол, в трубу положат ладану, чайник чаем заправят и ставят на ладан. В это время Евдокии отрезают хлеба. Много нарежут, целую стопу, от всяких хлебов. Каждый кусок она оградит знаменем креста, да все эти куски, завязав в платок, положит себе на постель. Для еды же оставит лишь один кусок ржаного хлеба и съест от него самую малость.

---

* Блаженные о Христе и юродивые как нелицеприятный эталон сразу же дают понять, каково нравственное и религиозное состояние окружающего мира. В селе, расположенном в столь святом месте, вблизи трех монастырей, Саровского, Дивеевского и Понетаевского, на земле, облагодатствованной молитвами преподобного Серафима Саровского, уж и там стало почитаться за подвиг перекреститься при людях, «ходили таясь, по ночам». Народ стал стыдиться звания христианина. Расплата последовала скорая и жестокая. Ибо каждый отказавшийся от Бога неизбежно окажется во власти торжествующего над ним зла.

За чаем сидела часа полтора, да чтобы кипел самовар и пар шел, а выпивала всего чашку с небольшим за все это время. Нальют одну чашку, скажет – «холодна», другую нальют, скажет – «горяча». И так всегда. Хожалки уж начнут роптать, что народ ждет за дверями, больно долго не пускают. И лишь перед самым концом чаепития разрежет огурец и съест кружочка два или гриб соленый. Могла и пирога раз откусить, когда Бог посылал.

Картошку мыли во дворе и только холодной водой, какая бы погода ни была, хоть ледышки плавают. И обязательно в трех водах. Крупу руками мыть не велела – только ложечкой. Солить также из ложечки. В скоромные дни кашу на молоке варили, а в постные дни на воде. Вкушала она каждый день, соблюдая все посты. Но если вдруг, по немощи, молитвенного правила когда не кончит, то потом три дня пролежит вовсе без пищи.

Дров наложат в печку, а двигать нельзя, потому что во всей печи не было ни одного целого кирпича, а одни осколки. Перекладывать печь не давала – для подвига. Печь, когда варили пищу, топили, открыв дверь. Трубу же задвижкой вообще никогда не закрывали. Говорит – дух тяжелый ей. Так она сама себя в холоде держала. Маленькую печь тоже топить было нельзя, а большую не давала замазывать:

— Не выношу дух глины.

Во время пения она глаза закроет, и когда много было народу, то начнут хожалки потихонечку замазывать. Евдокиюшка же начинает плакать, как малое дитя:

— Зачем во время пения озоруете?

— А зачем ты, Дуня, не даешь замазывать? – говорят ей после девушки.

А она не дает, а народу при этом жалуется:

— Они не замазывают мне печку.

Из хожалок греться к печке никого не подпускала, хоть умирай, не позволит. Скажет только:

— А святые как терпели? Вы здоровые не можете терпеть, как же я больная терплю?

Где-то за семь лет до смерти сажали ее к печке греться, но хожалки ее чуть не уронили, и с тех пор не стала она греться. За три года до смерти одни чулки позволяла ей греть. В свободное время или во время пения греть не давала. Когда же хожалки ложились спать, она одну из них поднимала и заставляла греть. Та клала чулки на спину и прислонялась к печке. В это время Евдокия заставляла молитву читать. Прочитает девушка две-три молитвы да и грохнется на пол – уснет. Евдокия же как закричит:

— Она меня колотит!

Всех на ноги поднимет и всем жалуется:

— Мои хожалки озоруют, не погреют меня.

Так одну ночь чулки заставляла греть, в другую – вшей бить. Даст свечку и сиди – бей. Когда вшей бьют, читают «Богородицу».

Только перестанут, Дуня кричит:

— Не всех убила, ногу вошь кусает.

Во время молитвы же никогда ни на что не жаловалась, только лишь во время сна. В последний же год печку уже почти не топили.

Те куски хлеба, которые Евдокия завязывала и клала на постель, после шести недель клала себе за спину. Так на них она и спала, на сухарях, в холоде и во вшах. Когда рубашка истлевала, хлеб впивался в тело. Потом из хлеба вырастали целые вороха на постели. Там он зеленел, завелись под конец мыши и черви. В этом во всем она и лежала.

Она носила вериги, которые у нее были поясом*. Касаться этого места она не разрешала никому. Рубаху Дуня не меняла, пока та не истлеет. Когда меняла, то всех, кроме двух девушек, высылала. С мылом руки мыла по локоть только раз в год. После чего обливала их в тазу со святой водой. Ноги мыла до колен – тоже обольет, но простой водой. Тело же никогда не мыла. Когда ее мыли, то одна из послушниц держала ее. Евдокия голову приклонит, а сама же при этом держит свечу зажженную.

Голову мыли теплым, разогретым в печке елеем. Мыли раз в год, и волосы были свалены, как шапка. Иногда без народа она снимала шаль и чесала руками голову. Вшей нельзя было и счесть, просто тьма. Их не били, а прямо в тряпку собирали. Через два дня после мытья она меняла рубашку, но грязную и вшивую опять клала на постель.

Обедала Евдокия часа в два-три ночи. Обедала одна, чужих никого не пускала. Хожалки все стояли, да и сидеть-то не на чем было. Подавали ей в блюде, ложку хожалка поддерживала.

Когда наливают, она кричит:

— Мне больше наливай.

А хлебнет раза два да и скажет:

— Я устала, отдохну.

---

* О том, что Дуня носила вериги, свидетельствовали многие очевидцы, но при обретении мощей вериги обнаружены не были. В связи с этим, видимо, необходимо подчеркнуть, что с Евдокией вообще связано необычайно много чудесных событий, в том числе и исчезновений. Так, например, подчистую чудесным образом исчезло привезенное на трех подводах в Ардатов имущество из дома Евдокии, которое награбили солдаты. Много же из похищенного, будучи принесенным домой, неожиданно превращалось: мед в пчел, гречка в мелкие камешки...

Пока отдыхает, вроде как бы заснет, щи и остынут. Она просит горячих, а их нет. Она и плачет. Щи остаются, и Поля доедает их потом совсем холодными.

Когда же второе накладывали, то Дуня опять кричит:

— Дай мне каши, да с пенками, клади больше.

И тоже все остывало.

— Остудила, – кричит, плачет, с тем и уснет.

Особой пищи она не употребляла. Редко ела картошку «с разварки». Рыбу тоже ела редко. Яиц – лишь два в год. Мяса от юности не ела. А ведь приносили-то ей всего: и сдобных лепешек, и вкусного, и сладкого.

Все, что приносили, она делила на две половины. Половину давала хожалкам – их было четыре.

При этом говорила:

— Вот, не гневайтесь, что я вам не даю.

Они воевали, что их здоровых четыре и что им этого мало. Все полученное они тут же съедали. Другую половину Дуня в чулок клала. Скажет:

— На завтра.

Да так все и оставит. Тараканов же было множество. Хлеб отрежут, накроют, так они все изъедят.

Дядя Дунин по старости последнее время совсем не слезал с печи. Попросит он пить, а они говорят: еще рано, а уже вечер. Подадут ему хлеба – и ладно. Видение ему было, как солдаты потащат все в разные стороны.

Хлеб Дуня потребляла только от одних людей. Женщина там пекла с молитвой и приносила в чистом. Когда принесет, пели «От святых иконы Твоя...». Первый кусок Евдокия всегда отрезала Поле, второй Даше и третий – всегда черствый и маленький кусочек – себе. Остатки, корки отдавала младшей хожалке. Назавтра уже сухари ели натошак. Она говорила – кто ест мягкий хлеб, тот не постник. Но если постишься, да дорвешься до мягкого хлеба, это плохо. Всякий кусок Дуня крестила и говорила:

— Христос Воскресе!

Сахар у Евдокии был, и все было, но хожалкам она с сахаром пить не давала. Сама иногда от тошноты ела лимон, орехи или огурцы и грибы. Но раз в месяц, не чаще. Разгрызть орехи сама не могла, грызла ей Даша.

Очень велела охраняться тайноядения. Поля однажды на яблоко соблазнилась и его припасла. Думает: воды принесу, самовар поставлю и поем. А Евдокия уже велит его обратно положить. Поля плакала, просила дать, а она так и не дала.

— Прибавь, – говорит, – поста и молитвы. Господь будет всего нам посылать в изобилии, и не съест тебе. Чем больше поста и молитвы, тем больше Господь будет всего посылать.

Когда ей Царицу Небесную (Иверскую) принесли, из разных губерний потек к ней народ. Девушки начали плакать:

— Бог нам посылает столько милостыни, куда нам ее деть? Нам-то ты все равно не даешь.

А Дуня в ответ:

— Злитесь на вашу злость. Господь еще больше пошлет ради поста и молитвы. Если бы не на пользу душе, то разве Царица Небесная послала мне всего столько?

В сенях было как на складе: хлеб белый, рыба в коробках, мед, варенье – и все это раскрыто, и никто до этого не дотрагивался. А деньги по полу валялись, и по ним ходили.

После еды, часа в три-четыре ночи, читали «Молитвы на сон грядущим» и Псалтирь, после чего тут же засыпали на полу. При этом Дуня велела младшей хожалке принести ей две «копеечные» свечи. Всех спящих ограждала знамением креста, а свечу зажигала. Поля греет в это время чулки. Сама же Евдокия не спит, шарит у себя, ищет за поясом нитки или еще что-нибудь. Как вторая свеча догорит, всех поднимает. Полю же тогда кладет.

В последний год перед смертью Дуня всех уже будила, как только одна свеча сгорала, а раньше больше давала покоя.

Бывало, Поля заснет и дверь ногами невзначай откроет. Дуня и закричит:

— Караул!

Все вскочат, а дверь открыта, да зимой. Она начинает всем на Полю жаловаться, плакать и говорить:

— Вот монашки что делают, зимой двери отворяют. Нарочно меня хотят заморозить.

А у нее и без того холод был такой, что в чайнике и в лохани замерзала вода. Но все спали на полу измученные, не слыша ничего, пока горела свеча.

Келья была дырявая. Домик о двух окошках, третье – боковое, где Дуня и лежала. Предлагали ей поставить новый, но она не захотела.

Двор решила сделать. Полю посылала.

Поля говорила:

— Сперва надо сделать келью.

А она говорит:

— Нет, двор.

Послала ее отмерить место на сажень от старого двора. Ломать старый не велела, а только разбирать, чтобы стука от полома не было. Стали строить. Строить давала она не всем, а только тем, кто табак не курит. Также и об ограде на могиле дяди говорила:

— Поля, дай ограду строить тем, кто не курит.

Довела стройку до холодов. Муж и жена, которые ей строили, были самые бедные, но строили Дуне бесплатно. И бревна возили бесплатно. Один хлеб с мякиной они ели в это время. Как-то она их позвала к себе:

— Вы здесь, – говорит, – хотите получить награду или в будущем?

Они же ответили, что не хотят плату брать, помолились да взяли у Дуни благословение.

Врыли столбы и поставили стены.

Она посылает Полю:

— Пойди, посмотри, не косо ли поставили.

Та сказала:

— Немного косовато будет.

Евдокия до того плакала, невозможно было успокоить.

Потом спрашивает:

— Нельзя ли опять разломать и исправить?

Тут Даша пожалела этих людей и стала уговаривать Дуню, а та и говорит ей:

— А ты не вникай, это дело не твое, пусть Поля сама, как хочет с ними.

Тогда Поля ответила:

— Никак, Дуня, нельзя, надо рядом вкапывать другой столб.

Она и велела:

— Ставьте другой столб.

По сути, он был ни к чему, разве только чтобы не было косо. Так строили они вдвоем шесть недель. Когда закончили, Евдокия призвала их в келью и говорит:

— Вот вы мне здесь выстроили, а вам в будущем Господь выстроит.

Дала им по кружке воды и по куску ржаного хлеба.

И в том же году муж и жена оба умерли.

— Если бы кто еще нашелся и мне келью выстроил, – говорила, – но чтобы по лому не было и стуку я не слыхала, а келью бы мне выстроили. Если я стук-то услышу, то не вынесу.

Так без кельи она и осталась.

А денег от юности в руки не брала. Письма кто присылал, она мало читала. Которым отвечала, а которым нет. Сроду ни с кем она не целовалась и руку никому свою не давала целовать. Своим хожалкам запрещала давать руку, когда здороваются.

Также не велела им с мужчинами оставаться наедине.

Один раз в год всех в Саров отпускала – к батюшке Серафиму. Даша же двадцать лет в затворе пробыла, никуда не выходила. Время воскресной обедни особым было, Дуня даже печку топить запрещала. К Святым Таинам вообще приступала очень строго. Причащалась она с Дашей на дому.

Белье не позволяла стирать ни в пятницу, ни в среду, а только во вторник и в четверг. После мытья полов только

через двое суток она разрешала прикладываться к иконам. Также и после бани. Не мытая ходи – до всего допустит, а после бани – нет.

Если обуются в лапти или в валенки или еще во что-нибудь, то весь месяц в этой обуви ходить надо. Хоть сыро, хоть жарко, разуться нельзя, а то не будет пить и есть, и плакать будет. Если тихонько разуются, то она все равно узнает, ругаться не будет, а будет сильно плакать.

У них до того ноги отекут, что невозможно. Весь день на ногах, без отдыха и без сна. Ноги сырые, но греться не пустит, а иначе закричит «дуром». Также весь месяц не давала сменять белье и платок, а при народе обличала:

— Она монашка, а такая грязная.

Кто ей служил, тем не давала брать в руки ни ножа, ни топора, ни веника, а то ей была великая скорбь. Не давала ходить за собой при женской немощи, брала другую хожалку. Если все сразу, то она и не ела.

Как-то раз во время утреннего правила Дуня обмирала часа на три. Но лишь через четыре дня она немного рассказала о том, что видела:

— Кто у меня поет, все стоят с букетами в руках и у всех розы: у кого белые, у кого розовые и даже голубые, а у кого можжевельник. Но у всех, кто приходил ко мне, в руках ветви. У Анны книга с золотыми буквами (она чтица хорошая была). А Поля с Дашей стоят около меня с сухими прутьями – они не молятся.

Так она их смиряла.

Еще до кончины девушки просили у Евдокии что-нибудь после ее смерти. Кто что просил из ее вещей.

Поля же попросила ее постель.

— Я, – говорит, – сделаю как бы футляр для нее, и будем мы к ней прикладываться.

Дуня заплакала и говорит:

— Скажи, скажи, Поля, еще раз, как ты сделаешь.

Потому, наверное, Дуня и дала Полиной сестре горсть крошек с постели да еля, свеч и платков.

Мало кто ее подвиг понимал. Она плачет, жалуется на хожалок, хотя сама же так им и велит. Плачет, но тут же и улыбнется.

Поле она как-то сказала:

— Если я тебя при людях буду ругать, ты не смущайся.

— Они меня не моют и рубахи мне не дают, – и заливаются при этом слезами.

Чтобы про подвиги ее не знали, она говорила:

— Ныне нет отрадного дня.

И тогда сама не ела и никому не давала. А тут по покойнику в колокол ударят (село-то большое) – нельзя уже есть или еще что случится. Все это были поводы, чтобы поститься и не есть. Покойника уж пронесут, хожалки просят, а она:

— Завтра поедим.

И добавит:

— Молитесь, чтобы завтра отрадный был день.

Так и ответит день ото дня, потом и забудется. Что принесут, бывало, хожалкам не дает, говорит:

— Больному принесли, я сама съем.

Когда покойника несут, она лежит недвижимо. Если ела в это время, то бросит. Если правило творила, молиться больше не станет, лежит и всем велит молчать. Поля ее спрашивала:

— Дуня, почему ты так к покойникам относишься?

— Глас Господень был: когда в колокол бьют, молитесь за рабов, – и добавила, – такой же брат, такая же сестра, мы все одной крови. Вспомни, что их там встретит. Умру, и ты молись за меня.

И до тех пор она лежит недвижимо, пока покойника не схоронят. И никого в келью в это время не пустит.

Еще говорила, что не только за того, кто милостыню приносил, нужно молиться, но и за всех, о ком только узнаешь, что умер. Она очень боялась загробной жизни, как, наверное, ни один старец не боялся.

Поля раз ей говорит:

— Дунюшка, хорошо бы тебе было, если б ты померла.

А она заплакала и говорит:

— Я лучше здесь на ножах буду лежать.

Бывало, спросит:

— Поля, я умру, будешь за меня молиться?

— Буду.

— Ну, скажи тогда, как ты за меня будешь молиться?

— Ежедневно буду за тебя молиться 150 «Богородиц».

Она спросит:

— А за это отрада будет?

— Конечно, будет.

Она и утешится тогда.

Как-то раз она Полю посылает:

— Сбегай, Поленька, а то Карасевых дом сгорит. Карасевы-то благодетели ее были. Дом их был заперт, и никого в нем не было. Та вошла в окошко – точно, горит, и залила огонь. Приходит, хожалки Евдокии и говорят:

— Как ты теперь будешь из ее рук есть, ведь она пожар заливала?

Дуня, если кто из них только в руки головешку возьмет, ни за что не станет есть. А тут – нет, и за водой Полю послала, и ела.

Но был и другой случай. Неподалеку от Евдокии в доме затлелось что-то и три дня тлело. Дом же был заперт. Когда

зашли в него, то увидели, что лежит там обгорелая старуха возле самовара. Как стали ее брать, у нее рука отвалилась. Вытащили старуху на луг. Вдруг видит Даша, что около покойницы поросенок бегаёт. Да и говорит Евдокии:

— Дунюшка, смотри, как поросеночек-то бегаёт.

Дуня только глянула на него, да как взвизгнет: вовсе не поросенка она там увидела. Всю ее заколотило. И окна, и двери все велела запереть крепче и никого не пускала. Потом так плакала, прямо невозможно. Все кругом велела перекрестить, и окна, и двери, и лежала, не пила, не ела целые сутки. Все окна потом занавесили, потому что старуху несли хоронить мимо Дуниной кельи. И где лежала старуха, она этим местом не давала проносить милостыню, а если кто проносил, то она сама не брала и хожалкам не позволяла. И вот именно около того дома Евдокию потом били перед смертью.

Другого же старика Дуня велела всегда Бога ради посещать. Он жил в нищете и весь в червях был. Когда же он умер и его также несли мимо Дуниного дома, так она велела открыть все двери и окна и сама пела и молилась.

Бывало, что когда и иные родственники помирали, так она хожалок на похороны не пускала. Сама ничего с таких поминок не брала, да и им не давала. А от других чужих, бывало, давала.

Когда кого расстреляют да из этой семьи придут, то она не пускала их до сорока дней – боялась очень, видимо, предвидя то, как ее саму будут расстреливать:

— Какой бы позорной смерти ни предали их, а все-таки их хоронят, а меня не станут хоронить. И в колокола звонить не будут. Господи, Господи, какие люди счастливые: помрут – звонят по ним. А меня, как скотину, в яму свалят.

Но людей тех, – говорила она, – кои меня расстреливать будут, тоже расстреляют.

Что потом и сбилось в точности. Верующим наказывала:

— Бегите на скит за можжевельником и бросайте под ноги, как меня понесут.

А они ей отвечали:

— Мы не только это, Дуня, сделаем, мы столько священников призовем тогда...

А она отвечала:

— Все вы от меня разбежитесь, – и продолжала, – но на могилку мою почаще ходите. Вы будете плакать и рыдать на моей могилке, а я буду все слышать, только отвечать не смогу.

Поле наказывала строго:

— Я умру, ты принимай схиму. Меня-то не будет, ты же останешься. Если не примешь схиму, то Богом будешь наказана.

Поля отвечала:

— Я ведь, Дуня, неученая.

А та:

— Кто у меня живет, все будут ученые. Старайся обо мне молиться, и я там тебя не забуду. И иди в монастырь.

Незадолго до смерти, когда ее мыли, она говорит: — Давайте мне рубашку, которую я на смерть приготовила. А то уж зима, холодно, она потолще, в ней будет теплее.

Хотя до зимы еще далеко было. Когда же ей голову расчесывали, сказала:

— Ты меня последний раз держишь.

Еще она говорила о прикровенном:

— Я до осени доживу и новую жизнь поведу. А вы каждый сам себе хлеб готовляйте, я больше уж вам готовить

не стану. Тогда вам всем легко будет жить. А мне ты, Поля, принесешь хлеб из Бабина.

Под хлебом она молитвенное попечение разумела.

Так потом и случилось. После расстрела нигде не давали молиться за нее до сорока дней, а в Бабине священник все время молился. На могиле ее панихиды служить не давали, так он на дому у Дуни служил. Священника этого она исцелила, явившись ему.

Дело так было: после Дуниной смерти батюшка очень сильно заболел горлом. Поля в то время была в Гавриловке и торопилась к службе в Бабино.

Пришла к сестре и спрашивает:

— Обедня-то будет сегодня?

А сестра отвечает:

— Батюшка сильно захворал, доктора сказали, что скоро умрет.

И тут вдруг пошел звон к утрени. Смотрят, и батюшка идет совершенно здоровый. В церкви он потом к Поле подошел и рассказал, как он от Евдокии получил исцеление:

— Ночью входят ко мне сначала апостол Фома, потом преподобный Серафим, старец Никодим и с ними Дуня. Я ее лик не видел, но это она вошла с ними. Взяла она меня за горло и сказала: «Вставай, здрав будешь, иди, служи обедню. Жалко, что ты у меня, у живой не был». Лица всех святых я видел, а ее не видел, слышал только голос.

Это святые ему сказали, что Евдокия с ними пришла.

Еще при жизни Дуне очень хотелось, чтобы принесли к ней в келью Оранскую Царицу Небесную. Плачет, всех посылает:

— Пойдите, просите у иеромонаха Царицу Небесную.

А иеромонах тот все ей отказывал. Так и не дал. И вот он видит видение, что Царица Небесная молится на воздухе над Дуниной кельей, и слышит голос:

— Проси у нее прощения.

Он послал тут же письмо Евдокии и просил простить его.

Однажды архимандрит Софроний*, старец высокой духовной жизни, в день Ангела прислал Евдокии икону Спасителя в терновом венце. Он сам иконы писал. Дуня как увидела, так и заплакала:

— Архимандрит, – говорит, – а дурак, больному в день Ангела какую икону прислал. Надо утешительную, а он скорбную.

И послала икону обратно.

А он сказал:

---

* Архимандрит Софроний (Смирнов) (1828–1921) – выдающийся подвижник Русской Православной Церкви XIX–XX вв. Проживая на покое в основанной им Софрониевой пустыни, пребывал в тесном молитвенном общении с блаженной Евдокией с 1908 года и вплоть до ее кончины.

12 июля 2008 года Украинская Православная Церковь прославила старца Софрония в лике преподобного в Соборе святых отцов, во Святых Горах на Донце просиявших.

— Ну вот, какое у нее является суеверие. Если бы она мне икону написала, я бы люблю за благодать принял.

Потом написал ей в письме:

— Помолись, Дуня, за меня, если я до Пасхи доживу и обедню отслужу, то тебе хожалку пришлю, а до Успения доживу, то Царицу Небесную пришлю.

Это он писал о своей хожалке Александре Михайловне. Она тридцать лет к нему ходила, за тридцать верст ему хлеб носила. И вот начал батюшка ее гнать:

— Уйди от меня! Выгоните ее, она – воровка, она у нас все растащит.

Та плачет:

— Ваше Преподобие, что вы со мной делаете.

А он знай гонит ее. Дуня и прислала за ней, взять ее вроде как погостить.

Эта Александра Михайловна раньше Дуню не знала совсем. И вот как-то давно отец Софроний скрылся в леса и никому ничего не сказал. Александра Михайловна очень плакала о нем, все ходила и искала его. Вот идет она однажды по лесу, и нагоняет ее старичок да спрашивает:

— Кого ты ищешь?

Она говорит:

— Старца, который всегда утешал меня, а теперь скрылся.

Старичок сказал:

— Запоеет петух, иди на голос. Там и найдешь его. А еще в Пузе есть больная девица, посещай ее тоже каждый месяц, как и батюшку.

Вскоре услышала она петуха и пошла. Видит, стоит отец Софроний прямо против кельи.

Этот архимандрит Софроний потом посылал с Александрой Михайловной для Евдокии все, что только ей могло понадобиться, а Евдокия, в свою очередь, – батюшке.

И вот теперь привезли ее от отца Софрония совсем больную. Она кричит:

— Дуня, помираю от холоду и голоду.

Дуня отвечает ей:

— Терпи.

У Александры Михайловны в ногах были черви, и она в баню не ходила. А получила она эту болезнь так. Она пришла к отцу Софронию, а он говорит:

— Ты любишь меня?

Она говорит:

— Люблю, батюшка.

— Ты чего хочешь – вечного или земного?

Она говорит:

— Вечного.

— Хочешь страдать, как я, и мою скорбь получить?

Она говорит:

— Хочу.

И вот стали у нее на ногах пробиваться раны, а потом завелись в них черви. Ноги у нее болели пятнадцать лет. Никому она этого не говорила и только Дуне показала.

Дуня это провидела и сама спросила:

— Сознавайся, какую скорбь ты несешь? Поли не бойся, она со мной вместе и никому при твоей жизни не скажет.

Так Александра пробыла у Евдокии весь Великий пост и выздоровела. А когда к Пасхе пришла она к отцу Софронию, он велел ей готовиться к Исповеди:

— Я, – говорит, – тебе последнюю обедню отслужу.

И хотя другие хожалки тоже готовились, он никого из них не причастил, а только ее. Причастилась Александра на Пасху и две недели спустя умерла.

Евдокия, как узнала о смерти Александры Михайловны, очень плакала и сказала:

— Отпало у меня правое крылышко.

Отец Софроний всегда присылал Евдокии масло. А в эту осень, после Успения, как и обещал, прислал большой образ Царицы Небесной Иверской.

Как-то у его хожалки Веры заболели пальцы, думали, что они у нее отвалятся. Батюшка и послал ее к Евдокии:

— Поезжай, Верочка, к Дуне, от Царицы Небесной ты исцелишься.

И Вера действительно исцелилась.

Когда Поля в первый раз пришла к старцу Софронию, он прямо сказал:

— Счастливица та, которая в монастырь благословила тебя.

А благословила-то ее Евдокия. И потом все время говорил о Дуне, какая она «подвижница и светильница и от земли до неба столп» и что надо слушать ее и подражать ей.

После этого Поля стала иногда заходить к старцу. Пришла как-то однажды, а он стал ей про Евдокию говорить:

— Что это она к тебе привязалась? Какая-то вшивая девчонка к тебе, монастырскому человеку. Какая же в ней может быть благодать? Никаких у нее уставов нет. Заведут они да целый день и ночь только поют. Грязь у нее, холод, вши. Разве только в этом спасение, в холоде и грязи? И тараканы у нее. В пятницу рыбу она потребляет, в утреню ест, в обедню спит. Вон у меня девушки поклоны кладут, акафисты читают: все по монастырскому уставу. А она и сама мучается, и хожалок мучает, и всех, кто к ней ходит, мучает.

И так три раза он говорил ей одно и то же. Все про то, что напрасно беспокоит Дуня монастырского человека, лишь отрывает Полю от послушания. В третий раз он еще начал говорить:

— Смотри, к тебе Дунюшкина вошь пристанет, как же ты придешь в монастырь? Тебя выгонят из монастыря-то, скажут: вшивая.

Поля и отвечает:

— Я проверяла, нарочно бросала, да они не пристают.

Он вдруг ей показал пальцем на правую руку:

— Да вот, Дунина-то вошь!

Она стала ее искать, а он начал смеяться, как малое дитя.

А потом и говорит:

— Кто больных любит, тому великая благодать.

Взял ее за голову обеими руками и произнес:

— Я сейчас тебя благословляю к Дуне жить, служи ей как матушке-игуменье, не преступай ни одной ее заповеди, свою волю не твори, а за послушание все исполняй, что она тебе ни скажет.

Вот так у Евдокии и появилась хожалка Пелагея (Поля).

До этого Поля послушничала в Дивеевском монастыре. Каждый день по окончании работы по монастырскому послушанию после шести вечера убегала она за шестнадцать верст в село Пузо и молилась там вместе с Дуней всю ночь. На рассвете же вновь спешила на монастырское послушание. Послушание она несла на водокачке. Так она прожила три года. Во время молитвы много клала земных поклонов, говоря:

— Поклоны класть – это землю распахивать.

Евдокия много учила ее смирению и терпению разных обстоятельств. Однажды послала матушка-игуменья Полю в деревню купить лука для посадки. Поля зашла к Дуне, и та оставила ее у себя и продержала две недели, пока пора посадки лука прошла. После этого всем послушницам в монастыре дано было право Полю бранить и смирять, а она всем кланялась в ноги, молчала и терпела.

В другой раз игуменья послала ее с двумя старшими монахинями в Понетаевский монастырь отнести срочное письмо. При этом письмо велела нести Поле. Зашли опять к Дуне. Та ее не пускает, а монахини без нее не идут, потому что письмо у Поли и Дуни не разрешает его передать. Много и в этом случае пришлось потерпеть Поле. Так и терпела Поля, пока Дуня не забрала ее из монастыря к себе. Но и здесь жизнь ее вовсе не была легкой.

Всю приносимую милостыню Дуня крестила и пела «От святых иконы Твоя...», кондак и величание Иверской иконе Божией Матери. Раз принесли милостыню в Вербное воскресенье – творог к Пасхе. Внесли его в сени, а кошки раскрыли и поели его. Да все четыре сразу и околели: в нем был мышьяк намешан. А еще в первый день Пасхи окна выбили. Дуня лежала в стеклах и в крови и не велела убирать, пока не кончит правила. Окончила молитву, только тогда дала убрать. Выбил окна муж одной женщины по злобе, что та ходит к Дуне.

Надо сказать, что на Евдокию и до революции всегда гонение было и всякие скорби и досады. Однажды приехали урядники и созоровать хотели над нею, да покружились около кельи, а к ней подойти так и не смогли, с тем и уехали.

Напротив Дуниной кельи всегда жили ее неприятели. Среди них и диакон пузинской церкви был. Бывало, убьет он собаку да и бросит к ней во двор, а ей это скорбь большая. Она сутки плакала, не переставая, после этого. Вскоре его перевели из Пузы в другое место. Но тут другие враги объявились. Камнями кидали в народ, что около кельи ее стоял. После смерти Блаженной это место все выгорело, и скорбь этим людям потом была невыносимая.

Все соблазны через Дуню проходили. Позвала она к себе в послушницы Марию Кошелевскую, а та жила очень дурной жизнью. Евдокия ее от блуда спасала. Бывало, что Дуня ее очень строго держала. Той терпения нет, начнет ругать Дуню, поругает и упадет. Прощения просит и кричит:

— Меня Бог не простит.

Она все время боролась со страстью и не могла терпеть, чтобы ее не удовлетворить. Была она известна всем в округе и не стеснялась при всех говорить о своей жизни.

До Дуни она детей морила. А началось ее падение с того, что ушла она от мужа своего к священнику. А потом уж пошла и по всем. Дуня ее непрестанно уговаривала. Бывало, и называла ее по-всякому и плохим словом, даже и при народе.

Иногда Мария говорила:

— Уйду, удавлюсь вон у вас на дворе.

Тогда Дуня начинала ее по-всякому уговаривать и ублажать.

Иногда Мария сама начинала срамить Дуню и придумывать что-нибудь срамное. Когда враг налетал на нее, ничто ее удержать не могло. Потом кается, плачет:

— Ты через меня, Дуня, погибнешь. Пусти меня лучше в мир, уйду и погибну я одна.

А Евдокия мучилась с ней, но так и не отпустила.

Милостыню в худой посуде или в худом полотне Евдокия никогда не принимала. Ей тогда была скорь, и она говорила:

— Этим Господа прогневляют.

Также говорила, что грешный человек недостоин принять милостыню от праведного и наоборот, сама-то она принимала, но учила так.

Молоко она брала только от одних и тех же людей. Как-то раз у Даши это молоко пролилось, и она заменила его другим, думая, что Дуня не узнает. Дуня же как попила его, так у нее кровь из горла пошла. Она и говорит Даше:

— Зачем ты меня искушаешь, зачем подменила мне молоко?

От некоторых людей Дуня ни под каким видом ничего не брала. Хожалки ее убеждают, потому как люди очень просят и плачут.

Тогда она им говорила:

— Один послушник убеждал старца взять гречневую крупу, а старец не взял, а велел послушнику – возьми и свари из нее кашу. За трапезой старец спросил этой каши, послушник пошел, а в горшке каши нет, а полно червей. Тогда старец и сказал: «Больше меня никогда не убеждай, что мне принять, а что не принять». Вот так и вы меня не убеждайте.

Одна женщина тяжко согрешила – скрытно родила, удавила ребенка на первый день Пасхи и пришла к Евдокии. Дуня же это провидела, и как только та вошла в келью, Дуня сразу закрылась с головой. Женщина та принесла каравай белого хлеба и два пуда пшеничной муки. Семь человек тогда было при Евдокии, и никому из них она не дала даже в руки брать ничего из принесенного. Чужим отдала этот каравай. Муку же в сенях поставили. Так на нее дождь и лил. Но женщина Дуне тогда не созналась. И Евдокия ее обличать не стала при всех, а лишь Полю послала сказать грешнице, чтобы та не отчаивалась:

— Ведь и разбойника Господь спас. Ты кайся.

Женщина заплакала и призналась:

— Если кто узнает, что я сделала, то я и сама удавлюсь.

Евдокия опять через Полю передала:

— Пусть едет к батюшке в Глухово.

Только та уехала, вновь послала догонять и велела передать отцу Николаю, чтобы он ей дал особую молитву, поисповедал и чтобы помолился о ней. Свекровь же убийцы на обратный путь дала Поле кусок белого хлеба. Вернулась она уже вечером, а Дуня плачет и говорит:

— Поля, у тебя в кармане зараза лежит.

И велела вынести хлеб чужим людям, да и карман чтобы чужие вымыли. Вытащили, наконец, этот хлеб, помолились, сходили за водой, и только тогда Дуня стала разговляться на Пасху.

Как-то одна из хожалок, Наташа, унесла мед у Евдокии и заболела, лишилась голоса. Не только петь не могла, но и говорила с трудом. Дуня ей говорит:

— Открой, Наташа, ты чего-нибудь у меня тайком съела? Я не верю, что ты простыла, ты заразу съела.

Наташа созналась, прощения попросила, и тут же голос вернулся, и стала она петь.

Одна женщина, Варвара, торговала вином, а Евдокия ругала тех, кто вином торгует. И вот вдруг у нее что-то случилось с ребенком. Девочку ту звали Аней. Бывало, еды ей не давали по два дня, так она и не просила, только все молилась:

— Пресвятая Богородица, спаси нас!

Хоть и маленькая, а ни за что не садилась за стол без молитвы. И вот вдруг она говорит:

— Меня причастите и ведите в Пузу к Дуне.

Варвара слышала, что в Пузе «отчитывают», и решила:

— Пойду у Дунюшки спрошу, как мне с дитем быть.

Но сначала она зашла в Котелему к Алексеюшке, это тоже старец был. Тот ей сказал:

— Наказано это дитя за родителей.

Как только на пузинскую землю перешли, Аннушка и говорит:

— Мама, мама, вот и Дуня нас встречает.

А мать говорит:

— Да нет, никто нас не встречает.

А та опять:

— Вот, вот же она, мама.

Когда вошли к Дуне в келью, она и спрашивает мать:

— Мама, их что, две, Дуни-то?

А Евдокия и говорит Варваре:

— Не торгуй вином, тогда и дитя здорово будет.

Еще обличила, что та шьет в праздники.

А девочку спрашивает:

— Ты за меня, Нюра, молишься?

Та отвечает:

— Да, молюсь.

И Дуня дала ей просфору. Варвара после того изменила свою жизнь и стала ходить к Дуне. Служила ей целых восемь лет. Евдокия же часто ей повторяла:

— Сейчас перетерпишь, потом будет жизнь хорошая.

У Варвары еще был сын Михаил, и тот тоже очень любил Дуню. Сел он один раз у реки и просит:

— Господи, дай мне поймать рыбку руками, я бы ее тут же Дуне отнес.

И тут мелькнула большая рыба, он ее и схватил. Посадил в крынку и живую принес Дуне.

Незадолго до Дуниной смерти Варвара пошла к Евдокии и не взяла Мишу с собой. Так он все плакал, что не посмотрел последний раз на Дуню. И вот однажды, той осенью, убирали дом к Михайлову дню, а Миша спал на лавке. И увидел он, как входит к нему Дуня. На груди у нее золотые кресты, одета она как схимница, а на голове у нее корона. Да и говорит она ему:

— Ну что, Миша, вот ты и увидел меня...

Петр Павлович из Глухова ходил к Дуне ночью петь стихиры. Как кончили, он и говорит Дуне, что боится ночью идти. На что Дуня ему отвечает:

— Тебе ангелы посветят.

И как только он вышел во двор, перед ним огненный шар покотился. Так за ним он и дошел до самого дома.

А одну девицу пузинскую, также после пения, Дуня убеждала остаться. А та все просится:

— Нет, пойду!

Так ее и не уговорили. Пошла она, так под ноги ей со свистом покатались вроде как бревна. Шум и грохот кругом. Прибежала она назад к Дуне в слезах.

Дуня говорит:

— Вот, будешь в следующий раз послушание исполнять. Горький плод, если кто послушание не исполняет.

Однажды несли Евдокии еду. Вдруг кувшин с молоком разорвало. Пришли и Дуне рассказали, а она и объяснила:

— Это бес, потому что вы без молитвы наливали.

Шли как-то женщины из Бабина к ней с хлебом. Их поймали, повели в Совет, хлеб отняли и начали Дуню ругать по-всякому. В это время у Дуни из горла пошла кровь.

Она и сказала:

— Где-то меня клянут.

Позже, когда Дуню убили, у того человека, который ее ругал, сделалось что-то с ребенком. Ни в больницу, никуда его деть нельзя было – бьется что есть силы.

И видит жена его сон: над Дуниной кельей висят два пузырька – один с маслом, другой со святой водой. И слышит голос:

— Иди и возьми, от этого исцелится твой сын.

Спустя некоторое время сестра Поли Варвара зашла по делам в Совет и увидела, как этот мальчик страдает. А мать мальчика ее и спрашивает:

— Не осталось ли у вас после Дуни масла и воды?

Она ответила:

— Осталось.

И дала ей. Как помазали ребенка, он утих. И все недуги его прошли. Потом они его повезли в Рогожну в больницу, и там, как только он принял лекарство, опять началось беснование. Тогда вновь его помазали маслом, и он выздоровел. Больше уже лекарств ему не давали.

При жизни Евдокия не велела никому к врачам обращаться:
— Идите в монастырь, примите Святые Дары и воду святую пейте.

Велела мазаться маслом. Сама же никогда не обращалась к врачам. И еще за послушание не велела делать операции:

— Разве Бог не исцелит? Бог что раньше, что теперь, одинаков.

Не велела чтение на службах сокращать. Говорила:

— Что в книгах есть, все читайте и пойте, разве святыя отцы для того писали здесь, чтобы слова-то пропускать?

Нотное и быстрое пение она не любила. Также отец Софроний и Дуня не разрешали петь на клиросе мужчинам с девушками.

Батюшка, бывало, говорил:

— Сено с огнем не лежит. Не принято Богом это их богослужение.

Еще она запрещала продавать молоко. А велела подавать, и Господь возродит удой вдвое. Это она говорила всем, не только своим:

— Хоть стакан, да подай.

Почала:

— Когда жнешь, «Богородицу» читай, а когда ткешь, читай «Отче наш».

Строго велела чужие межи в поле не переступать:

— Лучше твое уступи, а чужого не трогай. Если тронешь, то будешь целый год подавать чужую милостыню, что от других взял, а не свою.

Тем, кто торгует, не то что обвешивать, а всегда «с походом» давать велела. А если торгуешь и «похода» не даешь, то себя обкрадываешь. Милостыню твою Господь не примет, и она пойдет за того человека. Если у кого нанимают жилище, то нельзя за жилье много брать. По силам надо плату брать, а то ты будешь вор.

И если дешево с обманом купишь чего, Евдокия тоже обличала как воровство.

Строго запрещала чужое утаивать у себя и от тех милостыню ни за что не принимала:

— Эти люди, – говорила, – приходят меня испытывать.

И не пускала их вовсе. Хожалки начнут просить:

— Хорошие это люди, Дуня.

А она, знай, свое:

— Не пущу.

Они ее уговаривать начнут:

— Плачет ведь человек, просится. Ты распутных пускаешь, а тут хороший человек.

А она им укажет:

— А это не ваше дело.

И не пустит. А потом окажется, что этот человек, действительно, приходил ее «испытать».

Бывало, и странников иных не пускала. Ответит им:

— Я в больнице.

Или велит сказать:

— Она у нас спит, ждите до двух часов дня.

Они не ждут и уходят. Значит, так надо им было.

А то, наоборот, и примет сразу, и пошлет к благодетелям, чтобы напоили и накормили.

Как-то приехал к ней на лошади, да с колокольчиками, брат отца Виссариона из Сарова – его прислала блаженная Паша Дивеевская.

А Евдокия его и не приняла:

— Скажите, что я в больнице.

На другой год он опять приехал в Саров к Блаженной, а Паша и говорит:

— Ты пешком поди и лапти обуй, она тебя и примет.

И правда, Евдокия сразу его приняла. Потом он ей очень поверил и много помогал.

Как-то раз принесла Поля Дуне платок с просфорами. Платок же этот был подарен Пелагее матушкой-игуменьей монастыря. Большой, хороший платок, сорок копеек тогда стоил. Поля отдала в нем просфоры и ушла. Евдокия испачкала весь платок в елее да и говорит:

— Отдайте ей, да пусть не стирает его.

Принесли Поле платок, та и заплакала: жалко ей стало, да и подумала:

— А еще прозорливая, блаженная – эдакий платок в сорок-то копеек испачкала. Подарок матушкин так испортила.

Очень пожалела платок да и выстирала его с другими платками. И откуда только взялся вихрь, все платки унес, кроме Дуниного.

На другой день пришла она к Евдокии, а та ее и встречает словами:

— Прозорливая, а испортила платок в сорок копеек.

Случилось так, что Даша стала сильно о хлебе смущаться. О том, что много у Дуни его копится и может он загнить. Решила она об этом открыть отцу Анатолию, который благословил ее жить к Евдокии. Подобрала она подруг, чтобы тихонько ночью бежать в Саров. Села да и сидит. Уже утро наступило, а она идти не может, ноги отнялись.

Евдокия говорит ей:

— Умой меня.

А та ни с места. Евдокия ее толкает, а она не встает и ничего не отвечает. Потом все же сказала, что ноги у нее отнялись. Дуня и говорит:

— Это ты что-нибудь плохо помыслила.

Та и созналась во всем.

— Вот за это тебя и наказал Господь, – сказала Дуня, простила ее и велела помазать Дашу елеем от мощей преподобного Серафима.

Так та тотчас и исцелилась.

Дело же было в том, что в последнее время Дуня хожалкам перестала хлеб отдавать. Раньше раздавала, а в последний год до смерти велела тайно от них наверх убирать. Когда тридцать, когда сорок караваев поднимали наверх.

Так до трехсот караваев дошло. И лежал хлеб все это время совершенно невредимый, прямо как свежий*.

За месяц до смерти Даша слазила туда, увидала такое количество, напугалась и сказала, что их за это расстреляют. Тут хлеб сразу и зацвел, да и сделался как пыль.

И такое волнение поднялось в хожалках из-за этого, Дуня же все говорила:

— Я не знала ведь, что у нас там хлеб. Это все Поля. Но вы не смущайтесь, вы все будете в раю, ваши добродетели не пропадут, а она будет в аду.

Поля и запричитала:

— Зачем меня старцы благословили к тебе погибать.

А она ей:

— Замолчи, я буду в аду и ты в аду.

Но хожалки все равно сильно искушались.

Где-то незадолго перед смертью решила Даша позвать матушку-схимницу. Та пришла, и стали девушки ей открывать, что они смущаются, так ли Евдокия спасается, и то, что у нее неправильные подвиги. Евдокия это все провидела и заранее велела Поле натаскать горшков с червями.

Когда все вошли в избу, то схимница вышла в сени. Увидела все эти горшки и поняла. Евдокия же позвала ее к себе, и хотя хожалки не объяснили Дуне, зачем здесь схимница и для чего она выходила во двор, Дуня ей и говорит:

— Матушка, ко мне все приезжают и все проверяют. И все узелки мои проверят, но придет время, ничего не останется, а мне за это достанется. Это не узелки мои потащат, а кровь мою. Где что лежит, это всё кровь моя.

---

* Дуня хорошо чувствовала тяжкие грехи, умножившиеся в мире, в семьях, в домах. И сама от таких людей не потребляла хлеба, да и хожалкам не позволяла не только есть, но, как мы видим, в последний год даже и раздавать его.

Умные будут плакать, а кои не в Боге, будут радоваться. Давайте-ка меня вымойте, только другим хожалкам ничего о том не говорите.

И после правила она Полю послала за водой, мыть ее. Пошла Поля и стала качать воду. Тут подошли к ней солдаты с ружьями и начали приставать да смеяться. Она принесла воду и сказала, что солдаты с ружьями вокруг нее стояли. Дуня заплакала, велела вылить воду и отложила мытье до другого дня.

На другое утро идет Поля с водой, а ей дорогу перешла женщина с веником. Она Евдокии сказала об этом, и та опять велела ей вылить воду. До третьего утра оставила. Третье утро опять пошла за водой, идет мужик с косой, она опять велела вылить воду. В четвертый раз мужчина шел с топором. На пятый попалась женщина со скребком. На шестой день пожар, и старуха сгорела. На седьмой – покойник. На восьмой несли навстречу покойника. На девятый день

она плакала, ругала Полю с Дашей и говорила, что не хотят они призорить больного человека, и наложила на них по сто поклонов Иисусу и Царице Небесной. Еще она наказала, чтобы натошак хожалки прочитали после правила акафист Знамению Царицы Небесной. Они же ослушались, потому что внезапно поднялась страшная буря, гром и молния. Расщепило молнией дерево во дворе, и пошли они, шесть человек, рубить это дерево на дрова. Евдокия послала Дашу:

— Поди, узнай, что это они не идут «Заступницу» петь.

Но они все ушли, не слушаясь ее. Тогда она двое суток их не пускала в келью. И как они ни били в дверь, ни колотили, она их так и непустила.

— Это дерево, – говорит, – не пройдет. Это они не дерево спилили, а жизнь человеческую. Прискорбно душе моей, горе – непослушание.

Так вот на десятый день за водой идти и не пришлось из-за всего этого. Потом она опять их ругала:

— Прибавьте еще молитвы, это вы не усердно просите Владычицу.

На одиннадцатый день пошла Поля по воду и, казалось, принесла ее в келью благополучно. Затопила печку, призвала Дашу помочь ставить воду. Так Даша все дрова водой и залила. Тогда Евдокия заплакала, совсем как малое дитя:

— Какие козни враг на меня наводит. Если завтра вы не попросите Владычицу, то я останусь немывтая.

И велела еще прибавить молитвы. На двенадцатый день, наконец, принесли благополучно и вымыли ей руки и ноги.

Дуня послала Полю к отцу Иоанну Ардатовскому и наказала, чтобы она у него попросила белый платок с краешками. Пришла Поля к нему, а в это время женщина и принесла ему как раз такой платок. Он закрылся этим платком и запел «Вечную память».

— Как это хорошо, – говорит, – праведные души в рай идут. Хорошо цветок расцвел, скоро и корень расцветет.

Через два дня стали ей рубаху менять. Народ она весь выслала: чужих на улицу, а своих во двор. Остались Поля и Даша. Дуня говорит:

— Поля, подай мне рубаху.

Та стала подавать, она и говорит:

— Ты ее сперва на себя надень, а то я боюсь, что она меня задушит, ворот не пролезет.

Поля ответила:

— Я недостойна, Дунюшка, чтобы ты надевала после меня.

— За послушание надевай.

Она надела. Потом сказала:

— Она свободна, можно.

Дуня ее надела, а Поле отдала рубаху, которую скинула. Через два дня хотели надеть на нее сарафан. Она говорит:

— Вы мне не надеваете.

А Даша ей и ответила:

— Ты сама не хочешь.

Так она очень плакала и осталась в худом сарафане. Ни за что не хотела его переодеть. Так в старом сарафане ее и расстреляли.

Беда через Илью пришла. Появился он лет за пятнадцать до Дуниной смерти. Девушки из Глухова почитали Илью за прозорливого и все Евдокии про него рассказывали. Мол, такой-то и такой-то подвижник, во все ночи молится да постится. Было ему в то время девятнадцать лет. Поставил он себе часовню на Ильинском колодце и день и ночь там молился. И вот все просили Дуню: пусти его, он боголюбивый. Так до трех раз они

приходили просить Дуню пустить его к себе. Два раза он приходил, она не пускала. На третий раз пустила. Пришел Илья к ней и стал петь у нее. Голос у него был хороший, пел со слезами, усердно. В это время он жил хорошо, все пел да молился и мало спал. Затем денег скопил и уехал на Афон и там принял постриг. На Афоне жил год или два. Когда вернулся, то привез оттуда святыни всякой чуть ли не вагон. Икон много, крест отцу Софронию, тот, который теперь стоит на его могиле. Вернувшись, он задумал ехать в Москву и пропадал там три года. На деньги, вырученные от продажи святыни, он завел в трактире торговлю фруктами. Через три года опять приехал в Пузу и стал жить развратно. Обеты забыл. Женился и выдавал жену за сестру, а ребенка за приемыша, хотя он очень походил на отца. Потом он стал пристращаться к вещам. Как-то принес целый узел денег и положил Дуне в ноги.

Она кричит:

— Убери!

А он не берет, потому что боится, чтобы дома у него не украли. И начал он ходить по свадьбам, петь песни да плясать. Дуня за ним пошлет, чтобы вытащить, а он посланных бьет. Напьется, придет и начнет кричать на Евдокию:

— Колдунья.

Да и всяко станет называть ее. Но когда народ придет, то он ласковый, поет, молится. А если что принесут, то утащит. Когда утреннее правило идет, он придет и начинает представлять из себя что-нибудь, чтобы рассмешить девушек и Евдокию отнять от молитвы. Не пустить тоже было нельзя, он страшал, что донесет начальству. Евдокия всячески смирялась перед ним, а хожалки все еще верили, что он святой, да только «блажит». Людям Дуня говорила, что его ей жаль и что он хорошей жизни.

И только с Полей говорила про него правду, как есть. Когда ее что станут спрашивать, она уже отвечала:

— Я ничего не знаю, вон Илюша скажет.

И он, действительно, говорил: иногда правду, а иногда врал. Но говорил-то он не от Бога. Евдокия это знала и от него многое скрывала:

— Уберите скорее, а то Илюша идет, нахватает тут руками, опоганит все.

Вот призвали Илью на военную службу. Когда забирали, то человек с топором ему дорогу перешел. Евдокия и сказала:

— Этот топор не пройдет.

Взяли Илью на службу, и вот как-то приехал он на побывку да и просрочил. В эти дни как раз принесли к Евдокии икону Царицы Небесной «Достойно есть» из Дивеева. Как-то в один из дней пропели у иконы акафист, и Дуня всех проводила ко кресту в другую келью, где хожалки жили. Со всеми и Илья был. Тут вошел милиционер и сказал:

— Вы все арестованы.

Илью стал допрашивать как дезертира, почему тот просрочил. Потом всех, кто был, переписал как соучастников.

Илью забрали в Глухово и посадили там в холодную. Когда милиционер пошел ужинать, то и Илью взял с собой. У милиционера не было к ужину соли, а без соли есть он не мог. Илья пообещал ему соли принести. Тот его и отпустил.

Илья прибежал к Евдокии, стал плакать и говорит:

— Я убегу.

А Дуня ему отвечает:

— Если ты убежишь, то нас убьют.

Он же выругал ее и всех поматерно.

— А пущай убьют, – говорит.

Тогда Дуня замолчала. И он стал еще сильнее ее мучить и досаждать ей. Поля говорит:

— Пускай лучше, Дуня, он убежит. Что он тебя мучает, ведь жену свою он все равно оставит, тогда с нее и спрос будет.

Илья и убежал. Жену его посадили, а ребенка оставили. Тут жена сказала, что если ее отпустят, то она приведет им мужа. Ушла за ним, и они все вместе и скрылись.

Милиционер пришел к Евдокии на Спас. Все девушки как раз вернулись из церкви. Стучит он и спрашивает, где Илья. Они говорят:

— Нет его у нас.

Он позвал понятых. Дуня кричит:

— Не пускайте никого.

Даша вышла на крыльцо, а Поля – в воротах и говорит:

— Нет его у нас.

А все остальные молились Покрову Пресвятой Богородицы покрыть их Своим честным омофором. В это время подоспели мужики верующие и стали уговаривать:

— Не тревожь больного человека.

Тогда он пригрозил послать заявление в Ардатов и вытребовать отряд, чтобы искать Илью и других дезертиров. Да еще чтобы накладывать налоги на богатых мужиков.

Тогда девушки стали уговаривать Дуню:

— Давай пустим, а то он ведь и вправду вытребует отряд.

Она сказала:

— Нет, его я не пущу, а вот отряду двери отворю.

Больше они ее убеждать не стали. И приехал отряд, чтобы ее убить.

После того как милиционер ушел, Дуня сказала:

— Надо теперь, Поля, хлеб размачивать и убирать.

Поля стала хлеб убирать: который размачивала, а который в землю зарывала. Осталось только десять караваев.

В это время приходила Полина сестра и Дуня ей так сказала:

— Ты чему свою сестру научила? Я на нее прельстилась, думала, она умная и кроткая, а она вон что наделала, сколько хлеба сгноила, посмотри.

И послала ее смотреть хлеб. Сестра очень напугалась, когда увидела столько хлеба гнилого, а Дуня при этом Поле пальчиком грозит и смеется.

Днем в двенадцать часов пришел брат Поли и сказал, что сегодня приедут солдаты, чтобы их всех убить, так он это слышал.

Поля рассказала об этом Дуне и говорит:

— Давай, Дуня, я зажгу келью, а тебя и Царицу Небесную унесем, и будешь ты здрава и цела.

Да она не захотела и добавила:

— Эх, Поля, разве можно сжечь такую святыню, столько еще людей ею попользуются.

Вскоре прибыл в деревню отряд и пришли к Евдокии солдаты. Стали они стучать в боковые двери, а Поля была во дворе. Евдокия и говорит Даше:

— Беги, скажи Поле, чтобы она бежала за мужиками, как бы для заступления.

Поля и побежала за народом, к верующим. Когда они пришли, то солдаты уже вошли в келью. Их пришло сначала двое, и как они вошли, то начали читать бумагу и отмечать, кто здесь живет из хожалок, якобы для того, чтобы продукты им отпускать. Евдокия же сразу сказала, что это не для продуктов, а чтобы точно знать, кто у нее живет.

Солдат спросил:

— Которая Евдокия Шикова?

Показали:

— Вот, болящая.

— Которая Дарья Тимолина*?

Даша сказала:

— Я.

— Которая Мария Неизвестная?

— Это я.

— Анна Ильина Хозинская?

Она была в бане.

— Мария Кошелевская?

Она ушла провожать сестру.

— Где Дарья Сиушинская**?

— Ее нет, – Даша сказала, – это чужая.

А это как раз она и была.

— А где Наталья Инютинская?

— Она на родине***.

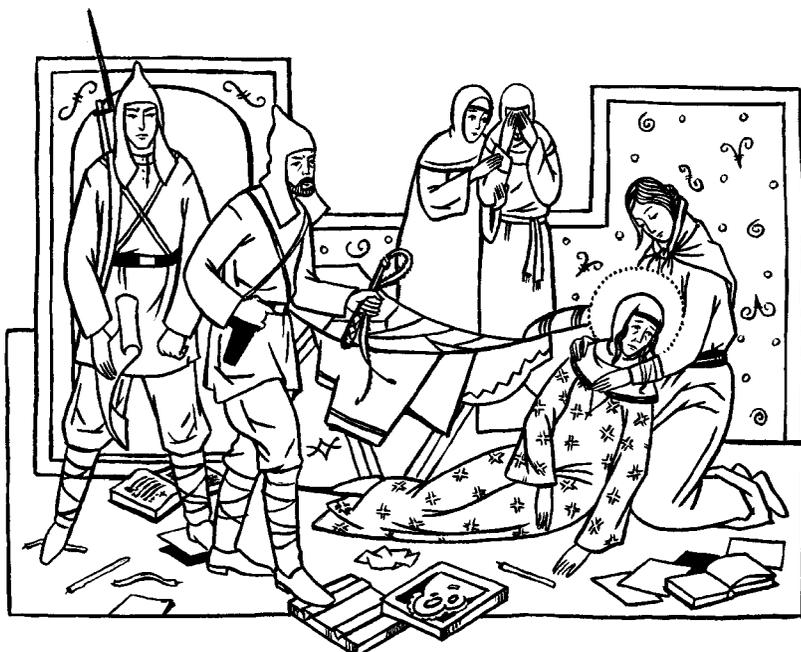
Один солдат пошел чулан проверять, а другой остался стоять в дверях. Тут Поля прибежала с Анной. Двери еще открыты были, и стала Поля просить:

---

* По другим воспоминаниям – Тимагина.

** Сиушинская было прозвище Дарии (по названию ее села Сиуха в Со-сновской волости). Фамилия Дарии – Улыбина.

*** Всего, как мы видим, у Евдокии было семь послушниц. Из них четверо: Дария, Дария, Мария и Пелагея считались келейницами, то есть жили с Дуней. Три из них были расстреляны вместе с ней. Непосредственной свидетельницей мучений и кончины Евдокии была оставшаяся в живых четвертая послушница – Поля (Пелагея). Стенографирование ее рассказа было произведено Валентиной Долгановой, келейницей епископа Варнавы (Беляева) и по его благословению. Таким образом, Пелагея Богом была оставлена свидетельствовать о жизни и страданиях старицы. Послушницу Наталью за несколько дней до своей смерти Дуня отослала домой. Так сохранился до середины 60-х годов свидетель великой духовной высоты мученицы. Сама же Наташа сожалела только об одном: что не сподобил ее Господь разделить мученическую кончину со своей старицей. О судьбе Анны мы упоминали ранее. О седьмой послушнице – Марии Кошелевской воспоминаний не сохранилось.

— Пусти меня, я здесь живу, я не знала, что тут записывают.

Солдат спросил ее имя. Она сказала, а он говорит:

— Такой нет.

А Поле очень хотелось проститься с Евдокией. Она просит, солдат не пускает. Она и говорит:

— Убейте меня вместе с ней, я не уйду.

Тогда вышел из кельи некто старший, по фамилии Кузнецов*, и ударил ее раз пять, после чего двери запер. Но она не отходила, смотрела в окошко. Видит, взял он просфо-

---

* Руководили карательным «отрядом из 100 человек Кузнецов, Скоробогатов и Крапивин» (из докладной председателя Волостного Совета от 22.10.1919 г. ГАГО, ф. 2935, оп. 3, д. 8). Они же и составляли «оперативную тройку» приговорившую «четырёх девиц» к расстрелу. (ГУ ЦАНО, справка 1673-17 от 15.11.2006 г.)

ры и елей, бросил их в лицо Евдокии и начал ее обзывать скверными словами. Потом она у него стала просить прощения. Как помянула она «ради Христа», он и стал ругать Спасителя по-всякому. Так она и не стала больше прощения просить. Потом стал ее за волосы таскать и бить плетью, а хожалок в келье пока не трогал. Потом восковые свечи скрутил десять штук вместе и стал иконы срывать. Все деньги искал. Иконы все побросал и в чулан полез, а там его за руку крыса схватила. Он после этого остервенился и начал бить Евдокию. Стащил ее с постели и тут нашел Илюшины деньги, а как деньги нашел, то стал бить еще сильнее.

И вот пришли они в субботу, в шесть часов вечера и били ее в келье до десяти часов. Потом солдаты ушли*.

Она попросила:

— Унесите меня из кельи.

А те в это время совещались в доме учителя. Кузнецов им и объявил, что он у Евдокии в келии нашел. Были солдаты и народ и поднимали руки. Это называлось полевым судом. Все это было в субботу вечером, 3 августа.

После десяти часов вечера хотели Евдокию перенести из ее кельи в келью хожалок. Они жили через пустырь. Когда они двором ее понесли, солдаты остановили и спрашивают:

— Вы ее куда понесли?

И снова стали ее бить. Так она тут и осталась. И положили ее опять на лавку. И били ее всю ночь попеременно, били и плетьюми, и стаскивали, и топтали ее ногами.

---

* Сохранились воспоминания жителей села о том, что хожалкам солдаты предлагали уйти: «Мы вас отпускаем». Они же спросили про Дунюшку. «А Дунюшка пойдет, откуда не вертаются». «Ну так и мы с ней», – и остались.

Одна женщина в эту ночь под воскресенье кидала камнями во всех, кто пытался к Евдокии пройти. И вдруг видит она: над Дуниной кельей четыре огненных столпа встали. Два срослись, а еще два отдельные. Было это уже на рассвете.

В воскресенье с утра снова ее били. Везде же стояла стража, и никого к ней не пускали. После воскресной обедни стали все выкидывать из ее кельи. Солдаты выкидывали иконы и топтали ногами. Верующие стали подбирать иконы для церкви. Когда же понесли Иверскую Божию Матерь, то от нее было сияние.

Солдаты хорошие вещи брали себе, а что похуже кидали народу. И народ тут торжествовал и тащил вещи по домам, «не ведая, что творят».

Десять солдат залезли на крышу и искали в соломе деньги. А народ стащит вещь да опять бежит что есть мочи, чтобы успеть еще захватить.

Деньги, которые жертвовали, шестьсот рублей, Евдокия еще раньше отдала Поле, и та их спрятала у Карасевых под полом. Так они их там как почувяли, как магнитом нашли.

Также и деньги, вырученные дядей от продажи хозяйства, забрали. Они лежали на печи, завернутые в тряпочку.

Евдокию, когда вещи растаскивали, все время били. Так было до утра понедельника. В понедельник, поутру, через заднюю калитку смогли проникнуть к ней некоторые верующие. Солдат попался хороший и не бил ее в это время.

Дуня и попросила:

— Меня надо приобщить, позовите священника.

Сказали батюшке Василию Радугину. Он пошел, но стража его не допустила. Тогда батюшка обратился к главному из них и попросил пропуск. Пропуск ему в конце концов дали. Отец Василий пришел к Дуне, исповедовал и приобщил ее и хожалок. Это было за два часа до смерти. Евдокия ему говорила:

— Батюшка, нельзя ли постараться?
А он отвечал:
— Убьют вас, Дунюшка. Решили убить.
Она спросила:
— Батюшка, ведь, чай, должен суд быть?
— А они промеж себя решили.
Вскоре он ушел.

Солдаты нарядили подводу и мужиков пузинских – копать могилу. Вот подъехал к келье мужик на лошади, и стали страдалицы выходить. И до того у них были прекрасные лица, что невозможно было смотреть. Они вышли все с четками, церковь напротив, они на нее помолились. Тут их всех опять бить стали. Когда Евдокию бить начали, хожалки бросились защищать, кто – на ноги, кто – на тело. Затем сели они на подводу, перекрестились.

Дуня у Даши на коленях, сели все рядом. Как лошадь тронулась, стали опять креститься. А на углу дома стоял мужик неверующий, Иван Анисимов. И вот увидел он, что на плечах у них голубь белый сидит, и куда бы ни ударяли, туда он и садился. Так и били по голубю.

Тут же он уверовал и говорит:

— Теперь бы я последнюю корову отдал, только бы не убивали их.

Голубя этого, а кто и белые крылья, видели и другие жители села.

Трое мужиков из тех, кто постоянно ходили к Дуне, попытались за нее вступиться*:

— Она наша селечка, никаких дезертир не пускала!

Так солдаты избили их плетьюми. Евдокия увидела это и говорит:

— Смотри, как с них грехи сыплются. Смотри, сейчас с Макара грехи летят, как от веника листья в бане, когда его за меня бьют.

Петр Карасев впоследствии рассказывал, что он никакой боли от ударов не чувствовал:

— Я бы счастлив был, если бы меня еще раз избили за Дунюшку.

Их привезли на могилу. Посадили под крестами. Евдокию и Дашу – у одного. Дашу другую у креста рядом. И Марию тоже у креста. Так и сидели они все вместе.

А потом их стали расстреливать.

Сначала хотел стрелять татарин, но бросил и сказал:

— Нет, не буду, у меня рука не поднимается.

---

* По воспоминаниям жителей села, их было четверо: Карасевы Петр и Федор, Уланов Никифор и Макаркин Иван.

Его стали принуждать, но он отказался. Поставили другого, и тот стал расстреливать. Два выстрела дал специально для страха. На третий расстрелял первой Евдокию. Как ее убили, кверху пошла как бы чаша или как просфора, кто как видел. Это много народу видели. А одна женщина увидела, как в это время Евдокия над своей кельей по воздуху пошла. Место это благословила крестом и сказала:

— Жалко, что здесь остается один золотой, ну пускай остается.

И тут женщина не выдержала и закричала:

— Миленькая Дунюшка, как же мы теперь без тебя жить-то будем!

Машу застрелили не до смерти. Ее прикалывали штыком. Потом с Дуни сняли чулки. Дочь этой женщины, что чулки взяла, впоследствии заболела, не могла надеть никакой одежды. Ее покрывали куском толя, и так она лежала.

Хотели крест у Евдокии найти, да не нашли, потому что он был у нее не на шее, а приколот к рубашке. Еще хотели их в могилу бросать, но один мужик, Василий Седнов, все же прыгнул в могилу и стал их принимать. Хоронили без гробов, с хожалок и юбки-то сняли. Василий покрыл им лица платочками, да так и стали их заваливать. Народ же к могиле так и не подпустили. Василий говорил потом, что у Евдокии были вериги.

Кроме Дарии Тимолиной с блаженной Евдокией были расстреляны еще Дария и Мария. Эта вторая Дария, Сиушинская, прожила у Евдокии три года. Непрестанно молилась Иисусовой молитвой. Когда еще в миру была, проходила каждый день Псалтирь всю без отдыха, стоя на ногах. Очень была смиренная. Расстреляна сорока лет.

Мария в юности ради Бога ушла от своего мужа, которого сильно любила. Имени своего никому не открывала, потому что и муж ее очень любил и долго искал. Но ни родные, ни муж не знали, где она. Потому и называла себя – Неизвестная.

А началось с того, что была больна она три года. Нога у нее болела. Лежала в больнице. Возле нее лежала старушка верующая, русская и все призывала святителя Николая Чудотворца. А Мария была мордовка. И как услышала, то и сама стала так призывать. И вот явился ей старичок и исцелил ножку. И пообещалась она тогда странствовать. Когда же пришла из больницы к мужу, то забыла, что обещала.

Ей опять явился святитель Николай и сказал:

— Ты что забыла свое обещание?

Стала она просить у мужа билет, чтобы странствовать.

Он ей не дает:

— Ты не придешь.

Она говорит:

— Я приду.

Он ей выхлопотал и дал. И она пошла странствовать. Пришла в Саров, из Сарова пришла в Лихачи отдохнуть да и стала ходить к Евдокии. И вот пришла ей в голову мысль – пойти к Дуне жить. Святитель явился вновь и повелел:

— Иди к Дуне жить.

До Пасхи пожила она у Евдокии да и ушла к одной женщине. Та ее спрашивает:

— Ты почему ушла?

А Мария:

— Голодно, вот я и ушла.

Ночь пришла, опять ей Святитель явился и говорит:

— Зачем ты ушла, ступай.

Три раза повторил:

— Ступай, и ступай, и ступай.

Она собралась, ушла к Дуне и уже больше не уходила.

Мария Дуне говорила:

— У тебя подвиг – ты терпи. Ты уж лежи.

Служила она Дуне семь лет. Мария была смиренная, как ребенок. У нее сильно болела нога, вся пятка отгнила. Очень любила она сладко поесть и таскала сладкое, за что, может, и страдала. Дуня скажет ей:

— Маша, зачем воруешь и ешь?

А та смеется:

— Хватит нам и лошадям, Дунюшка.

— Ну, развеселите меня, – скажет Дуня.

А Маша ей:

— Начинай, Дунюшка, – та и развеселится.

В последний год Мария разболелась ногой и передвигалась с трудом. Дуня же ей не давала даже хлеба: хорошо воровала, теперь потерпи. Даша потихоньку давала, а Дуня провидела и посылала Полю проследить. На смерть Мария пришла сама за час и была спокойна, хотя знала, что их сейчас убьют.

Расстреляли их 5/18 августа 1919 года. В этот день все верующие в округе ощущали благоухание от могилы. Потом солдаты ушли, но назначили следить, чтобы на могилу не пришел священник и не отпел бы их. После этого народ стал видеть на могиле горящую свечу, а над кельей Евдокии в двенадцать часов дня, вскоре после расстрела, солнце играло в сажнях десяти от земли.

Дьякон пузинский по имени Иона, ушедший по благословию Евдокии в Оранский монастырь, очень скорбел и смутился ее смертью. И было ему видение, что к ее могиле текут тысячи людей и много архиереев и духовенства служат на ее могиле. Блаженная Мария Ивановна Дивеевская часто повторяла:

— Ходите к Дуне на могилку чаще, там ангелы поют и служат не переставая.

А еще раньше пророчествовала:

— Будет колодец до скончания века, все источники посохнут, а этот нет, и все из него будут пить.

Потом ругала всех пузинских:

— Предатели, на что Дуню предали, за это они наказаны Богом будут.

И еще говорила, что Дуня выйдет мощами, понесут ее четыре епископа, будет четыре гроба, и народу будут тысячи, и тогда все восплачут, а неверующие уверуют.

Как-то Поля зашла к Блаженной, та и говорит:

— Моим именем Пузо три раза сгорит, – и три раза в ладоши хлопнула.

— Вон, – говорит, – Дунины тряпки по домам горят, кровь ее догорает.

И впрямь, на третий день после расстрела случился пожар, сгорел дом Барминой, той, которая грабила Дунино добро. В эту осень три раза горело Пузо.

Как и велела Евдокия, после ее смерти Поля стала собираться в монастырь. Когда она зашла к отцу Софронию за благословением, тут приехали мужчина с женщиной, пузинские погорельцы, и говорят:

— Батюшка, мы сгорели.

А он им сказал:

— Это только ваш хлам сгорел, а тело ваше не страдало. А как страдала ваша светильница от трехдневного побоя! Если бы вы за нее заступились, вы бы не сгорели. Все ее тряпки, что вы растащили по домам, в Пузе выгорят, а место ее очистится огнем после этого беззакония.

И действительно, пожар был необыкновенный, горело все подряд, даже где и строений-то не было. Вода около Дуниной кельи просто кипела, и горело даже то, что в воду бросали. Этим мужчине с женщиной батюшка сказал:

— У вас Дуня выйдет мощами, такая у вас радость будет в Пузе, нигде такой радости не будет. Вы ходите на ее могилку, кто будет болен из вас.

А Поле после пожара так говорил:

— Мы с тобой об келье-то не станем хлопотать, а вот о храме похлопочем. На месте келии будет храм. Ты загороди пряслом* это место, где была ее келья. Твоя же келья будет

---

* Пряслом — плетнем, забором.

в церковном корпусе. Дверь из кельи будет в алтарь. А кто построит? Мы этих людей не ищем. Сама Царица Небесная этих людей пошлет. Тут будет четверо мощей, и Дуня будет мощами. Придут четыре епископа, и будет народ, и больные будут исцеляться. Народ очень уверует в нее, и будут звонить во все колокола. Дуня прославится очень далеко.

В другой раз Поля пришла к отцу Софронию и батюшка начал ей говорить:

— Ты Дуняшу видишь во сне?

Она говорит:

— Только два раза видела.

А он говорит:

— Ты ее увидишь наяву. Ты к ней близка была? – как будто не знает. – Ты видела, какие у нее ножки-то больные? Из них кровь текла, а она ходила и за то Бога благодарила.

Поля и ответила:

— Нет, она не ходила.

С тех пор у нее самой ноги взяли и отнялись. Стали за ней ухаживать монахини из Дивеева и Понетаевки. Но пришел день и Дуня ее исцелила. Утром в этот день она еще пила с ложечки, а вечером уж вымыла полы и самовар начистила. Евдокия когда явилась ей, то сказала:

— Вставай, тебя Царица Небесная исцеляет.

И взяла за ноги. А пролежала Поля три месяца – с зимнего Николы и по день Ангела Евдокии.

— Иди, – говорит, – в Пузу, справляй день моего Ангела.

День Ангела Дуни был 1/14 марта, на преподобномученицу Евдокию.

Как-то через три года после Евдокииной смерти Поля была у отца Иоанна Ардатовского. Ночью встала помолиться за Дуню, а батюшка вдруг говорит ей:

— Ложись спать.

Она за послушание и легла. Только закрыла глаза, видит сон. Увидела она священника Выездновского Иоанна и Дуню в келии на постели своей. И еще видит: принесли мантию и стали Евдокию облачать в нее и постригать.

Поля умилилась и говорит:

— Рада я за тебя, Дуня, что ты ангельскую одежду одеваешь на себя.

Тут Дуня встала, подошла к порожку, поцеловала ее и сказала:

— Христос Воскресе!

Четки у нее голубые, крест серебряный. И добавила:

— Больше обо мне не плачь, я среди Горнего Иерусалима у Престола Божия стою.

Поля тогда спросила про девушек, которых расстреляли с ней. Она ответила:

— И им хорошо, но только они не со мной.

Поля спросила про Дашу, но она так ответила:

— Около меня тоже будет девушка.

Но об этом никому говорить не велела, потому что она еще жива.

А еще Поле сказала:

— Молись, да Иисусову молитву в молчании твори.

Тут отец Иоанн подошел к Поле, будит ее и говорит:

— Ну, сказывай, как ты Дуню видела.

А она такой радости, как в этом сне, никогда в жизни не испытывала.

В 1924 году одна женщина, Пелагея из Гаврилово, накануне памяти Дуни пришла к Поле и спрашивает, пойдут ли они с дьяконом служить панихиду на могилу. Поля сказала:

— Сейчас уж собираемся и идем за дьяконом.

Пелагея зашла куда-то по делу и пошла прямо на могилу. Видит, стоит дьякон в облачении, кадит и служит. Она подумала, что опоздала – все уже пришли. Подошла ближе – и пропал дьякон, и нет никого на могиле. Тут только и подошли все с дьяконом.

Блаженная при жизни поучала: есть пост не в пост, и молитва не в молитву, и послушание не в послушание. Если постишься, то и мягкий ржаной хлеб не ешь и вообще досыта не вкушай. Если ты день не ешь, а на другой день приготовишь себе много хорошей пищи, такой пост Бог не примет. За трапезой не разрешала говорить ни слова.

Если ты молишься для людей, чтобы тебя люди видели, а на душе у тебя этого нет, это не молитва.

Послушание, которое ты исполняешь так, что тебе оно легко и подходит, это не послушание. То послушание принято у Господа, которым Сам Бог благословит.

Она говорила: человек спасения ищет, а спасение – человека. Друг к другу идут и друг друга не найдут. Еще говорила: если кто больного жалеет, то крест этот должен нести.

Если нет скорби при подвиге и если тебя только все ублажают и чтят, то не доходит подвиг твой ко Господу. Если же подвиг твой ради Бога, то будет скорбь непременно.

Если враг побеждается, то он будет действовать через человека.

За непослушание Господь попускает болезни.

О тайноядении: от него корень злобы вырастает, человек все равно что змею глотает.

Строго запрещала с женами разводиться. Монастырским же людям она строго девство хранить велела и тело свое не показывать. Если же кто падет, то лучше до трех

раз падать, а замуж не выходить. Лучше встать, покаяться и опять Богу служить.

В баню не благословляла со всеми ходить, а холодной водой мыться. Все везде и всегда ограждать крестным знаменем: и одеваться, и обуваться, и спать ложиться. Ограждать и окна, и двери. И всю скотину ограждать вечером и утром.

Чтить начальников своих велела монастырским людям. Руку не позволяла давать, кроме как когда под благословение подходишь. На мужчин возбраняла смотреть, а смотреть вниз.

По кельям не разрешала ходить. Монах выйдет из кельи, а в келью войдет уже не такой. Не разрешала часто посещать женские монастыри монахам, и наоборот.

К службам церковным наказывала ходить неопустительно. В нечистоте в храм не позволяла ходить до шести дней.

Плакала, если кто стрижет волосы из монашествующих.

Строго запрещала переходить из обители в обитель. Какой Бог крест послал – терпи. Из монастырей многие приходили к ней со слезами, а от нее никто не уходил неутешенным. Да и материально Дуня монастырских поддерживала.

— Я духовенство и людей монастырских, – говорит, – считаю как ангелов.

Приведем несколько случаев, свидетельствующих о прозорливости и благодатной целительной силе молитв блаженной мученицы Евдокии.

У одной благочестивой вдовы был сын. Все ему хотелось уйти в монахи. Два раза просился к Дуне, чтобы получить благословение в монастырь. Только она ему ни благословения не дала, ни самого его в келью не пустила. Бабам же сказала:

— Пусть он не просится в монастырь, он все равно жить там не будет.

А он удивлялся:

— Что же это я, с такой верой иду, а потом и уйду?

У него, и правда, рвение большое было от юности. Пошел он в монахи и три года жил очень хорошо, примерный монах был. Затем ушел из монастыря и в Нижнем Новгороде стал коммунистом. А бабы-то поначалу смущались, думали:

— Вот так блаженная, неправду сказала.

И только через три года узналось, что все было правдой.

Из деревни Куралово Аксинья была больна. Стала ходить к Евдокии. Та дала ей хлеба, и Аксинья стала здорова. До этого никакие врачи не помогали. Сноха Аксиньи Евдокия тоже заболела: отнялись ноги, полгода совсем не ходила, и врачи уж отказались от нее. Хозяин ей говорит:

— Поезжай в Пузу, от наговора ворожи.

Аксинья говорит ей:

— Давай поедем в Пузу, да только к Дуне болящей.

Та согласилась ехать, но от мужа украдкой. Вот приехали они к Евдокии. Она и говорит им:

— Вы к ворожее приехали?

Они отвечают:

— Нет, мы, Дунюшка, к тебе.

Дуня тогда указывает:

— Посадите ее на стул.

Дала больной две чашки чаю выпить да и сказала:

— По вере вашей дастся вам.

Привели больную под руки – из кельи вышла сама и здорова. Исцеление получила полное и больше не болела.

Женщина в селе Верякуши, звали Параскевой. У нее была внутренняя болезнь. Нельзя ей было ржаной хлеб есть. Ела она немного белого хлеба и очень была больна. Пришла

к Евдокии. Та расспросила про болезнь и дала ей сухарь ржаной со своей постели.

Прасковья и говорит:

— Дуня, мне нельзя ржаной сухарь есть.

Дуня ответила:

— Я сама больная, а ем ржаные сухари.

Съела она тогда и здорова стала. Всякую пищу стала потреблять. Прасковья была единственной дочерью у отца, а тот очень скупой был. После же исцеления дочери он изменился. Дуниным хожалкам купил келью и стал всем милостыню творить.

Две девушки села Верякуши, Наталия и Мария, пришли к Дуне и говорят:

— Мы просфоры больше печь не будем – муки нам не дают. У нас осталось только в кадушке. Где же мы будем брать?

А Дуня говорит:

— У вас не будет убывать, милость творите и Богу служите.

И у них в кадушке мука не убывала. Тогда стал их враг искушать: как до Дуниного двора дойдут, так у них ноги отнимаются, как топором «тяпнут». И один раз не поняли они этого искушения и воротились домой. Как воротились домой, вроде и здоровы стали. На праздник опять к Евдокии собрались. Как до того места дошли, опять с ними так же случилось. Но в этот раз пересилили они и все-таки пришли к Дуне. И стали Дуне о том рассказывать, а она ответила:

— Это враг такую болезнь наводит. Ему не любо, что вы больного посещаете.

Пришла к Дуне одна женщина. Дуня велела ее пустить. Как вошла она в келью, Дуня ей говорит:

— На тебе нет креста.

А она отвечает:

— Как нет, есть.

Дуня ей говорит, что нет, а она опять говорит, что есть.

Тут Дуня заплакала и еще раз повторила, что нет креста. Тогда и женщина заплакала да и созналась, что, правда, креста она не носит. И стала просить у Дуни прощения. Дуня простила и велела хожалкам дать ей крест.

Однажды один мужчина, Николай, пришел вечером и принес ей хлеб. Стоял в доме, пока пели стихиры. Дуня велела хожалкам взять его хлеб. Потом после стихир велела обратно отдать:

— Он тебе нужен.

Тот смиренно хлеб взял и пошел домой. И вот встречается ему женщина в темноте. Он ее спросил:

— Чего ты ходишь по деревне среди ночи?

Она отвечает:

— У меня сын пришел из солдат и болен сильно. Десять домов пробежала и нигде хлеба не нашла.

Он ей и отдал этот хлеб. Тот год был самым голодным, а женщина была очень бедна.

У одной женщины, Елены, сестра была больна: ничего не могла есть, кроме пшена. К пшену же у нее было отвращение. Дуня дала Елене хлеб и сказала:

— Отдай сестре, чтобы она ела и не брезговала.

Елена отдала сестре хлеб, та съела и выздоровела.

Пришла мать Елены к Дуне и говорит:

— Дуня, Елена уезжает в Сибирь.

Та ей в ответ:

— Нет, не поедет, она ногу сломает.

Так и случилось.

Муж с женой пришли помолиться к Дуне. Когда молились, среди пения Дуня вдруг говорит:

— Погодите петь, Никифор с Марфой уйдут домой.

Те отвечают:

— Дуня, мы хотели петь до конца.

Дуня говорит:

— Нет, вам надо идти домой.

Они пошли домой. Пришли и видят – теленок у них запутался головой в нацепку и едва не удавился. Еще бы несколько минут и издох.

Пришли к Дуне из Кременок три женщины. Дуня хожалкам сказала:

— Я их не пущу, мне жарко, скажите, чтобы они шли домой скорее, жарко мне.

Только вышли они из Пузы, Кременки загорелись.

У одной девушки, Параскевы, был хороший голос. Она приходила к Дуне на правило.

И вот как-то говорит:

— Дуня, я ныне не приду.

Дуня отвечает:

— Если не придешь, то тебя накажет Царица Небесная, голос у тебя пропадет.

Но та не поверила и наутро охрипла. Утром пришла к Дуне и говорит:

— Дуня, прости меня, я совсем охрипла.

Дуня дала ей сухарь со своей постели. Прасковья съела сухарь и в этот же вечер стала петь стихиры.

Бывая в церкви, эта Параскева всегда заходила к Дуне. Однажды в праздник Дуня долго не давала ей есть. Хожалки незаметно вынесли ей в сени ватрушку, и она украдкой съела. Когда она вошла в келью, Дуня сказала:

— Прасковья, ты украдкой ватрушку съела, я тебя оставлю ночевать и положу на полу. Как захочешь пить, пей из лохани.

Из села Хозина пришли две девушки. Дуня их обличила, обратившись к Дарье:

— Даша, расскажи нам, как подружка подружку любит?

Из того же села как-то шли пять женщин и одна девушка, несли Евдокии яйца. Девушка, Анна, сказала:

— Давайте за труды возьмем по яйцу, а я себе два возьму за то, что несу.

Пришли они к Дуне. Та хожалке и говорит:

— Дай им по одному яйцу, а Анне – два. Анна ведь одна несла.

Пришла к Дуне женщина и привела солдата. Дуня долго его не пускала, говоря:

— Он идет с нехорошей думой.

Женщина все же уговорила его впустить. Только он вошел в келью, Дуня ему и говорит:

— Выброси из головы все дурное. Твоя жена очень умная и кроткая, ее зря поносят. А корову мать с сестрой продали, а говорят на нее.

Сердце солдата охватило раскаяние. Он заплакал и говорит:

— А я шел убить ее.

Дуня велела напоить его чаем и накормить. Благословила зайти к преподобному Серафиму в Саров и отслужить благодарственный молебен.

Чудеса и исцеления, которые в изобилии происходили и после Дуниной мученической кончины на ее святой могилке, и в безбожное время приводили к ней сюда множество верующих, страждущих и больных. Нет возможности перечислить все случаи ее благодатной помощи и неизменного заступничества за нас перед Господом за прошедшие десятилетия.

И в наше время чудеса и исцеления, изливающиеся по молитвам блаженной Евдокиюшки и святых подвижниц пузинских на всех с верою к ним притекающих, многочисленны и неиссякаемы.

Ныне блаженная Евдокия и ее келейницы Дария, Дария и Мария деянием Архиерейского Собора (13-16 августа 2000 года) причислены к сонму святых Русской Православной Церкви и прославлены как мученицы. Память их установлена 5/18 августа.

5 июня 2001 года обретыены мощи святой мученицы Евдокии, мучениц Дарии, Дарии и Марии. Раки с целебными мощами мучениц установлены в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что в селе Суворово.

Святые мученицы пузинские
Евдокия,
Дария, Дария, Мария

Под редакцией
игумена Митрофана (Баданина)

В оформлении книги использованы
изображения икон автора И. Куксенко.
Ответственные за выпуск С. Филиппов и О. Колчина
Художник И. Куксенко
Корректор Н. Голикова

Подписано в печать 04.11.2011
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 5. Тираж 7000 экз.
Печать офсетная. Заказ 1245.

Отпечатано в типографии «Моби Дик».
Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44.
Тел/факс (812) 320-6013
www.MobyPrint.ru